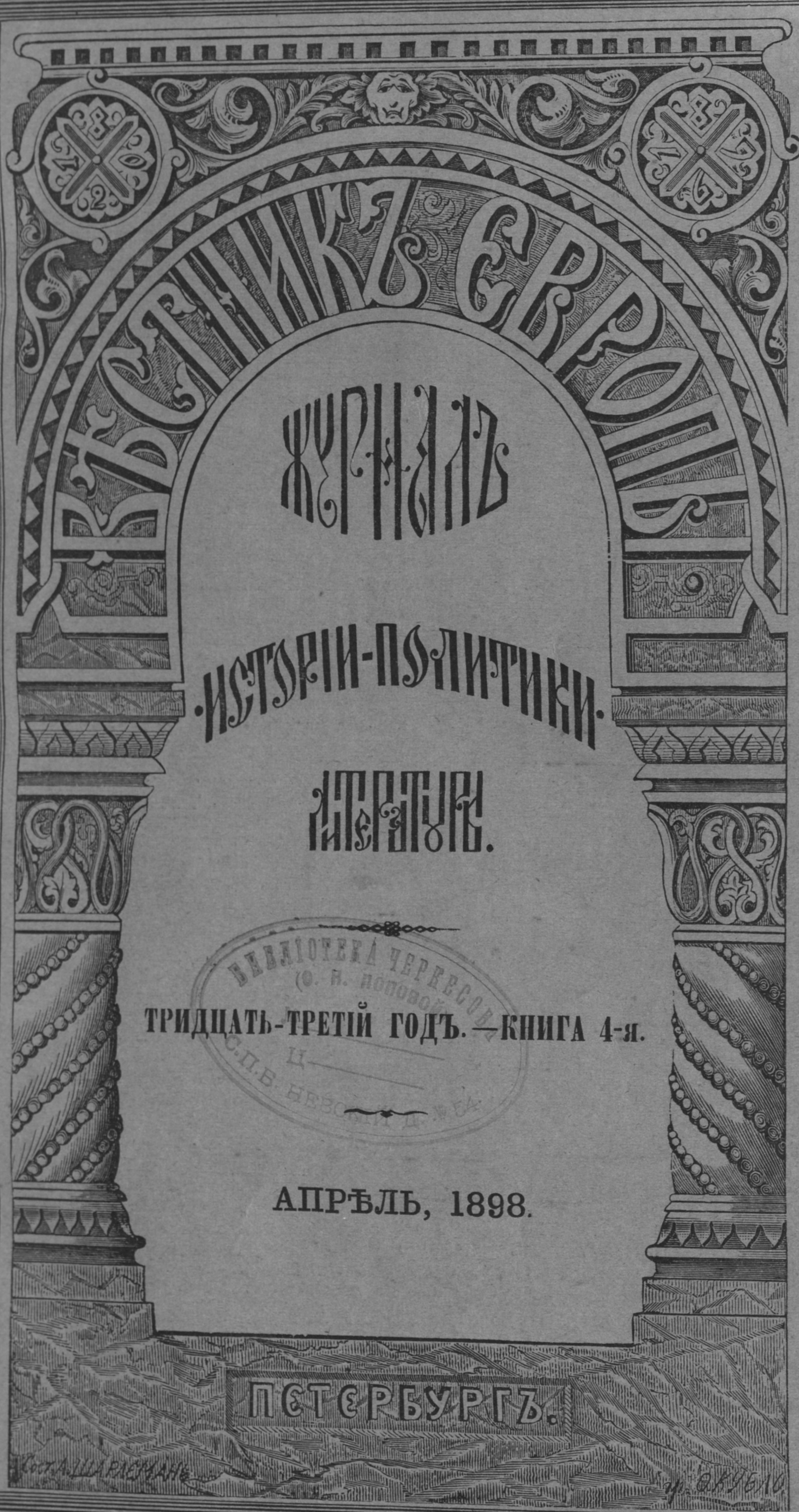

БИБЛІОТЕКА ЧЕРКЕСОВА (О. Н. ПОПОВОЙ) С.П.Б. НЕВСКІЙ

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 4-я. — АПРѢЛЬ, 1898.

Стр.

I.—ТЯГА. — Романъ въ двухъ частяхъ. — Часть вторая: VIII-XV.—**П. Д. Боборыкина** 453

II.—ВОСПОМИНАНІЯ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ.—1854-1860 гг.—II.—**Екатерины Бакуниной** 511

III.—КРЫМСКІЕ СОНЕТЫ А. МИЦКЕВИЧА.—IX-XVIII. — Съ польскаго, Кн. **Алексѣй Кугушевъ** 557

IV.—РОССІЯ И АНГЛІЯ НАКАНУНѢ РАЗРЫВА.—1853-1854 гг.—**Ф. Ф. Мартенса** 563

V.—САМА ПРИРОДА.—Бытовой очеркъ, Аллена.—Съ англ., **А. Б—г—** 611

VI.—ВЕШНІЕ ВСХОДЫ.—Изъ воспоминаній, встрѣчъ и переписки 70-хъ годовъ.—**В. Назарьева** 661

VII.—СТАРАЯ РАКИТА.—Стих. **А. М. Жемчужникова** 719

VIII.—ДВА УЧЕНЫХЪ СЪѢЗДА.—Изъ поѣздки въ Канаду.—**П. Алексѣева** . . . 720

IX.—ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. — Наши промышленные успѣхи и невзгоды.—I-IV.—**Л. З. Слонимскаго** 750

X.—ИЗЪ ЭПИГРАММЪ И ЭПИТАФІЙ НА СМЕРТЬ МОЛЬЕРА. — По изданію 1725 г.—Перев. **Як. Ивашкевичъ** 766

XI.—ЖИЗНЕННАЯ ДРАМА ПЛАТОНА.—XV-XXX. — **Вл. Соловьева** 769

XII.—ХРОНИКА.—НАРОДНАЯ ШКОЛА ВЪ ШВЕЦІИ.—**Ан. Ар—чъ** 794

XIII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Именной указъ и Высочайшій рескриптъ 24-го февраля.—Причины, отъ которыхъ зависитъ степень вниманія къ общественнымъ бѣдствіямъ.—Личныя впечатлѣнія отъ поѣздки въ воронежскую губернію.—Чрезвычайное воронежское губернское земское собраніе.—Письмо г. Писарева о положеніи дѣлъ въ епифанскомъ уѣздѣ (тульской губерніи).—Расширеніе круга дѣйствій суда присяжныхъ.—Ежегодный созывъ дворянскихъ собраній.—Рѣчь управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія 815

XIV.—ЗАМѢТКА.—Результаты „условнаго осужденія“.—**Г. Б.** 833

XV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Европейская политика на дальнемъ Востокѣ. Соперничество великихъ державъ относительно Китая. — Два правительственныя сообщенія.—Мирныя пріобрѣтенія и ихъ значеніе. — Заботы объ усиленіи флотовъ въ Англіи и Германіи.—Европейскій концертъ въ критскомъ вопросѣ.—Соединенные-Штаты и Испанія.—Перемѣна министерства въ Австріи 839

XVI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Сочиненія Н. С. Тихонравова, т. II.—Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ и обрядахъ и т. д., собр. П. В. Шейномъ, т. I, вып. I.—Минусинскіе и ачинскіе инородцы.—На Востокѣ, Влад. Шуфа.—**Т.** —Всемірная торговля въ XIX в. и участіе въ ней Россіи.—**Л. С.**—Новыя книги и брошюры 853

XVII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. — Emile Zola, „Paris“. — II.—H. Sudermann, Johannes.—**З. В.** 876

XVIII.—НЕКРОЛОГЪ.—А. А. Рихтеръ. —**Ѳ. Ѳ. Воропонова** 888

XIX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Взрывъ въ курскомъ Знаменскомъ монастырѣ.—Неосторожность „сенсаціонной“ прессы.—Попытка связать „пропаганду невѣрія“ съ заботой о народномъ благѣ.—Организація „народныхъ развлеченій“, предпринятая московской городской думой. — Несогласованность закона о печати съ жизнью.—Еще о книгѣ Г. А. Евреинова. — Духоборцы на Кавказѣ и въ Сибири.—Продовольственный вопросъ въ В. Э. Обществѣ. 890

XX.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—I. Отъ Комитета Общества для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ.—II. Отъ Харьковскаго Комитета по присужденію премій при Университетѣ, въ память 25-ти-лѣтія царствованія Имп. Александра II. . . 905

XXI.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Шекспиръ въ переводѣ А. Л. Соколовскаго, въ 8 том.—Экономическое ученіе Маркса, Л. З. Слонимскаго.—Стихотворенія А. М. Жемчужникова, въ 2 том.—Теорія и практика желѣзнодорожнаго права, И. М. Рабиновича.—С. Булгаковъ. О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ. Изд. М. И. Водовозовой. — Иллюстрированный Словарь общеполезныхъ свѣдѣній. Подъ редакціей Эльпе.

XXII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XX стр.

ВОСПОМИНАНІЯ
СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ
КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ.

(1854 — 1860 гг.)

II [1]).

Приступаю теперь къ описанію событій 26-го и 27-го августа. Въ моей тихой и уединенной жизни, мнѣ кажется иногда: да точно ли все это было, и я это видѣла? Но когда я всецѣло погружусь въ эти воспоминанія,—зеленый лугъ, сосновая роща передъ моимъ окномъ пропадаютъ изъ глазъ,— и я вижу площадь, войско, ряды французскаго войска, идущаго на Малаховъ курганъ, блескъ ножей на ихъ штуцерахъ!..

26-го, утромъ, та же пальба, такъ же много раненыхъ. Вѣтеръ, ужасный, мостъ такъ и качается, волны заливаютъ его, но что̀ удивительно,—не только люди, но и лошади идутъ спокойно, а мостъ подъ ними извивается змѣей!

У насъ сестра-хозяйка—именинница, и, несмотря на пальбу, она таки-справляетъ именины; напекла пироговъ и даже пирожнаго. Александръ Бакунинъ пришелъ ко мнѣ уже когда зажгли свѣчи. Я его давно не видала; знала, что онъ не раненъ, знала тоже, что онъ живъ, отъ Муравьева, который былъ на 4-мъ бастіонѣ. Въ этотъ разъ еще грустнѣе было смотрѣть съ нашей

---

[1]) См. выше: мартъ, 132 стр.

галереи, по которой я его проводила, какъ онъ удаляется во мракъ по Екатерининской улицѣ, и видѣть, какъ сверкаютъ надъ его головой бомбы, и знать, что тысячи смертей летаютъ надъ нимъ!

Я пошла съ сестрой Смирновой въ пріемную. Пальба тише; операцій не дѣлаютъ, раненыхъ не приносятъ. Я подошла къ столу, гдѣ лежитъ книга, въ которую записываютъ приносимыхъ раненыхъ. Цифры во всѣ эти дни доходили до 1.000. Слава Богу, все тихо и спокойно; раненыхъ нѣтъ; надо идти отдохнуть... Вдругъ блеснуло въ окошкѣ; за блескомъ—страшный гулъ, трескъ, шумъ; рамы, стекла—все летитъ! Свѣчи гаснутъ, служителя бѣгутъ. Мы съ сестрой прижались къ стѣнѣ. Промелькнула у меня мысль, что если это пороховой погребъ, то отчего же мы не взлетѣли на воздухъ? Проходитъ минута, другая... все тихо и темно. Мы зажгли свѣчи и пошли въ палаты. Изъ раненыхъ, слава Богу, никто не ушибленъ, но на кроватяхъ—рамы, стекла, разные обломки... Что̀ жъ это было? Сбѣжала сверху Дуня Алексѣева и сестра Куткина; онѣ говорятъ, что у нихъ тоже всѣ рамы и перегородки попадали; что въ другомъ казематѣ у сестеръ страшный крикъ; что, вѣрно, онѣ переранены. Я сейчасъ хотѣла идти къ нимъ, но вотъ и онѣ прибѣгаютъ. Иныя нѣсколько ушиблены или порѣзаны стеклами и страшно перепуганы, такъ какъ многія уже легли и даже спали. И другія жительницы батареи тоже кричатъ и бѣгутъ; сбѣгаются и доктора́. Но что̀ же это было? Что̀ это за взрывъ, отъ котораго не осталось не только стеколъ, но ни одной рамы во всей батареѣ? Потомъ разсказывали, что везли на баркасѣ до 140 пудовъ пороху, и у самой Графской пристани попала въ него ракета и взорвала баркасъ.

Наконецъ всѣ нѣсколько успокоились, и я пошла къ намъ наверхъ. Тамъ тоже опустошеніе: разорено все; что̀ было на столахъ—изломано, перебито, облито чернилами; въ шкафахъ вся посуда перебита. Перегородка, которая отдѣляла нашъ казематъ отъ корридора, упала. Только въ маленькомъ казематѣ Павловской, гдѣ окошко обращено къ морю, уцѣлѣла часть перегородки. Но вѣтеръ такъ и ходитъ по всей Николаевской. Для утѣшенія и согрѣванія, мы принялись ставить самоваръ и пить чай. Сестры Куткина и Алексѣева остались ночевать у Павловской. Тутъ было все-таки уютнѣе, чѣмъ въ нашемъ большомъ казематѣ, совершенно открытомъ, съ большимъ окномъ, обращеннымъ прямо на непріятельскія батареи. А третья моя жилица, Маланья Селиверстова, севастопольская обывательница, осталась на галереѣ, устремивъ испуганные взоры на пороховой погребъ.

А я пошла къ себѣ и заставила окно ширмами отъ вѣтра, а отъ прохожихъ завѣсила ситцевымъ одѣяломъ; вездѣ одинаковая опасность, и если Господь хочетъ помиловать, то и вездѣ помилуетъ. Я вспомнила тутъ слова одного солдата, который мнѣ говорилъ:

— Что̀ такое бомба? бомба—глупость, а на все воля Божья!

Я крѣпко заснула подъ свистъ ракетъ.

27-е августа.—Какъ я теперь написала это несчастное число, такъ передо мной и встали всѣ событія этого ужаснаго дня!

Мы поднялись очень рано; пальба продолжалась; холодно; вѣтеръ, довольно сильный, такъ и ходитъ по нашей безоконной батареѣ.

Въ одиннадцатомъ часу я вышла изъ пріемной и пошла по нашей галереѣ, чтобы попросить кофе. Масса народу; всѣ толпятся и смотрятъ.

— Что̀ такое?

— Посмотрите; ряды непріятелей подходятъ къ № 2-му и къ Малахову кургану.

Да, точно! Ножи на ихъ штуцерахъ сверкаютъ на солнцѣ. Да, это штурмъ!

Съ Павловскаго мыска по дорогѣ къ Малахову кургану поскакалъ Хрулевъ и его свита, и все скоро закрылось пылью и дымомъ.

Видя, что всѣ какъ-то въ смятеніи, я вернулась въ пріемную помогать доктору при операціяхъ и завязывать лигатуры.

Вдругъ вбѣгаетъ сестра Зихель,—на ней лица нѣтъ. Она говоритъ, что надо спасаться, что со всѣхъ сторонъ штурмуютъ. За ней вбѣгаетъ Александра Петровна Стаховичъ и прерывающимся голосомъ говоритъ мнѣ:

— Ради Бога, сестра, надо уходить! Графъ Сакенъ велѣлъ торопиться!

Какъ досадно, какъ горько! Но нечего дѣлать, иду къ намъ наверхъ; сестры въ тревогѣ; у иныхъ хоть дорожные мѣшки въ рукахъ, а другія ничего и не берутъ съ собой. Я говорю Александрѣ Петровнѣ, что мнѣ необходимо собраться; у меня есть офицерскія и солдатскія вещи;—хорошо еще, что рано утромъ я успѣла иное отдать; у меня ключъ отъ аптеки, его надо передать доктору. Но Александра Петровна все спѣшитъ, говоря:

— Черезъ полчаса на площади, можетъ быть, будутъ рѣзаться.

Я ей отвѣчаю, что мнѣ невозможно все вдругъ такъ бросить; даю ей честное слово, что я за ними послѣдую, можетъ-быть и догоню ихъ, и она наконецъ уходитъ со всѣми сестрами.

Тогда я принялась на̀скоро все убирать и брать съ собой то,

что̀ необходимо. Показывая и на свои, и на сестрины мѣшки и чемоданы, которые къ намъ надо переслать, прошу у смотрителя еще солдата; а потомъ, вспомнивъ, что отъ большого вѣтра мостъ въ водѣ, надѣваю свои мужскіе сапоги и, отдавъ вещи солдатамъ, иду отыскивать доктора.

Сдавъ ему шолкъ для лигатуръ и ключъ отъ аптеки, я оставляю съ сокрушеннымъ сердцемъ нашу Николаевскую батарею, нашу Южную сторону, нашъ бѣдный Севастополь!..

Отъ сильнаго вѣтра мостъ сильно качается, и я должна была взять за руку нашего служителя-солдата, чтобы перейти бухту подъ усиленной пальбой.

На Михайловской батареѣ я нашла сестеръ; все тамъ въ величайшемъ безпорядкѣ, такъ какъ всѣ вещи живущихъ сестеръ сносятся въ одну комнату и готовятъ пушки для пальбы.

Крикъ, шумъ такой, что не слышно бомбардировки. А тутъ еще сестры, служащія на Михайловской батареѣ, особливо ихъ старшая, бранятъ начальницу.

Я и не упомянула бы объ этомъ, если бы всѣ эти мелкіе безпорядки и неурядицы не повели впослѣдствіи къ большимъ перемѣнамъ въ общинѣ. Да и многія сестры занимались въ это время мелочами, хлопотали о своихъ мѣшкахъ, чемоданахъ, плакали о сундукахъ,—точно онѣ и не понимали, что̀ происходитъ передъ ихъ глазами, что̀ Россія теряетъ въ эту минуту!..

А какъ ужасно мы провели этотъ день, глядя черезъ бухту на Севастополь! Еще сначала войско поспѣшнымъ шагомъ шло туда, а жители,—откуда ихъ такъ много набралось!—еще поспѣшнѣе, съ тяжелыми узлами, бѣгутъ на эту сторону.

А между тѣмъ, то бомба, то ракета, падаютъ въ море, въ ту или другую сторону моста.

Но Богъ милуетъ. Одна бомба упала и на мостъ, но одни остановились, другіе побѣжали впередъ и только двѣ доски летятъ прочь; ихъ сейчасъ же чинятъ, и всѣ продолжаютъ идти.

Вдругъ видимъ, что и войска идутъ на эту сторону... Они несутъ знамена, которыя были въ комнатахъ графа Сакена, и тутъ же—въ красномъ—идутъ и плѣнные...

Поѣхали полуфурки и возы, нагруженные до-нéльзя. На одномъ сидитъ на самомъ верху коммиссаръ перевязочнаго пункта и заботливо держитъ, прижавъ къ себѣ, корзину съ котятами, а кошка сидитъ съ нимъ рядомъ!

Стали носить и раненыхъ на Сѣверную. Вдругъ на Малаховомъ курганѣ огромное изверженіе земли, камней: это—взрывъ погреба или мины.

Кромѣ раненыхъ, лежащихъ въ казематахъ Михайловской батареи, лежатъ раненые въ магазинахъ; до нихъ нѣтъ и четверти версты.

Мы пошли съ сестрой Надежиной, чтобы напоить ихъ водкой; мы шли туда болѣе получаса—такъ все было загромождено телѣгами, полуфурками и т. п. Народъ валитъ толпами; солдаты разныхъ полковъ скликаются. Крикъ, шумъ страшный!

Какую ужасную ночь мы провели! Никогда не забуду я этой картины! Какъ ужасно горѣлъ весь Севастополь, — огромное пламя! А въ бухтѣ затапливали всѣ наши несчастные оставшіеся корабли... По мосту все гуще и гуще идетъ войско и остальные жители; ядра такъ и летаютъ.

Говорили, что подъ тѣмъ окошкомъ, въ которое мы смотрѣли на Севастополь, оторвало голову часовому.

Тутъ я узнала про нашего доктора В. И. Тарасова; иные говорили, что онъ совсѣмъ уѣхалъ, а другіе—что онъ поѣхалъ встрѣчать Н. Ив. Пирогова, который сюда ѣдетъ.

Въ ужасномъ положеніи была бѣдная Д. Алексѣева; передъ ея глазами горѣлъ ея родной городъ, ея собственный домъ, и она знала, что ея единственный братъ еще тамъ, на Южной сторонѣ!..

Намъ было сказано, чтобъ мы не ставили самоваровъ въ коридорѣ, не выходили туда со свѣчой, потому что вездѣ порохъ. А между тѣмъ бомбы разрывались со всѣхъ сторонъ.

Разсвѣло. Только однѣ мачты видны отъ кораблей; густой, черный дымъ поднимается надъ Севастополемъ. Одни войска идутъ по мосту. Когда я услыхала, что идетъ тобольскій полкъ, я побѣжала къ мосту, въ надеждѣ узнать объ Александрѣ Бакунинѣ. Спрашиваю унтеръ-офицера. Онъ мнѣ отвѣчаетъ:

— Прапорщикъ Бакунинъ сейчасъ пошелъ въ гору.

Слава Богу, живъ и здоровъ! Тобольскій полкъ прошелъ послѣднимъ; сейчасъ же начали разводить мостъ и притягивать его къ Сѣверной. Графъ Сакенъ и оставшееся съ нимъ войско переѣхали на пароходахъ.

У моста я встрѣтила нашего служителя; онъ сказалъ мнѣ, что всѣ наши вещи везутъ на катерѣ, а мнѣ онъ очень бережно отдаетъ мой хрустальный стаканъ, который спасъ въ своемъ карманѣ!

Когда привезли всѣ наши вещи, пошла опять ужасная толкотня; кто отыскиваетъ, кто плачетъ, что все пропало.

Но времени терять нельзя, надо скорѣй все укладывать на возы и отправлять на Бельбекъ. Ждутъ съ минуты на минуту

взрыва Николаевской батареи; увѣряютъ, что камни долетятъ сюда. Одинъ солдатъ, услыхавъ это, говоритъ мнѣ:

— Небось, матушка, ничего не будетъ:—она не взорвется.

— Какъ, почему ты такъ думаешь?

— Да мина та не такъ сдѣлана.

И въ самомъ дѣлѣ она не взорвалась. А Александровская два раза взрывалась; камни сыпались въ море, какъ огромный градъ.

Скоро половина сестеръ уѣхала. Мы тоже поѣхали съ Александрой Петровной, но мы заѣхали на Сѣверное укрѣпленіе, и тамъ, найдя раненыхъ, я и сестра Надежина остались, чтобы ихъ перевязать и напоить водкой. Очень мы были рады, когда къ намъ присоединился флотскій докторъ Шелома.

Къ счастью я встрѣтила А. Д. Княжевича, который служилъ, какъ мнѣ помнится, при полевомъ почтамтѣ; онъ могъ намъ выдать находящіеся тамъ въ тюкахъ: корпію, бинты, компрессы и казенный шолкъ для лигатуръ, а то у насъ ничего не было. Помню, что явился къ намъ какой-то офицеръ и требовалъ, чтобы мы накормили раненыхъ. Я ему отвѣчала, что онъ долженъ бы былъ прежде спросить, имѣли ли мы сами что̀ поѣсть въ этомъ мѣстѣ. Мы провели тутъ весь день.

Какъ тяжело было слышать звонъ нашихъ колоколовъ, который доносился до насъ съ Южной стороны! Туда пробрались французскіе мародеры, несмотря на запрещеніе главнокомандующаго, такъ какъ взрывы все продолжались въ разныхъ мѣстахъ.

И вотъ, какъ теперь вижу на плоскомъ мысѣ трехъ-этажную круглую Павловскую батарею; вдругъ изъ нея поднимается черный столбъ, расширяется кверху, какъ рисуютъ изверженіе огнедышащихъ горъ, только не огненный, а черный. Страшный гулъ, трескъ. Летятъ обломки, сыплются камни, взвивается дымъ и пыль, и менѣе чѣмъ въ минуту отъ трехъ-этажнаго зданія остались только двѣ небольшія насыпи.

Не хочу и повторять того ужаснаго разсказа, который потомъ ходилъ у насъ объ оставленныхъ и погибшихъ тамъ людяхъ. Всей душой желаю—и надѣюсь, что это неправда; и тогда многіе утверждали, что это неправда, что тамъ никого не осталось.

Къ вечеру пришелъ къ намъ А. Бакунинъ и многіе другіе изъ нашего перевязочнаго пункта; послѣ такого дня и ночи обрадуешься, увидавъ даже тѣхъ, которые и не были симпатичны.

Слава Богу, всѣ, даже всѣ служителя нашего пункта вышли живы и здоровы; только у многихъ ничего не осталось, кромѣ того, что̀ было на нихъ.

Ночью мы съ сестрой Надежиной уѣхали на Бельбекъ. И

вотъ насъ окружаютъ высокія, красивыя деревья; воздухъ легкій и свѣжій — вся прелесть южной долины. Тихо; только иногда вспорхнетъ или чирикнетъ птичка...

Но, Боже мой, какъ тяжело! Съ какой бы радостью я вернулась подъ наши своды, подъ непріятельскіе выстрѣлы! Но, увы! намъ уже нѣтъ туда возврата,—и пришлось идти въ маленькую палатку, которую очень радушно раздѣлила со мной сестра Гардинская.

Сестры, которыя давно были на Бельбекѣ, имѣли всѣ свое дѣло, свои палатки, а мы, пріѣхавшія съ Николаевской батареи, толкались безъ дѣла, comme des âmes en peine. Но я черезъ день уѣхала въ лагерь на Сѣверныя высоты, узнавъ, что тамъ лежитъ мой крестникъ черкесъ, смертельно раненый при штурмѣ на Малаховомъ курганѣ.

Какую грустную ночь я провела тамъ! Этотъ лагерь, и всегда невеселый, сталъ еще грустнѣе. Дождь такъ и льетъ; во всѣхъ палаткахъ огонь, но не видно ни солдатъ, безпечно прохаживающихся, не слышно разговоровъ, а только по ужасной грязи раздаются поспѣшные шаги служителя: онъ идетъ за фельдшеромъ или за священникомъ. Въ палаткахъ слышны стоны. и крики страданья. Я отыскала своего крестника въ маленькой солдатской палаткѣ, на которую была надѣта еще офицерская. И онъ тоже очень страдалъ. Его стоны смѣшивались съ звуками страннаго чуждаго языка; косматая бѣлая шапка была надвинута на черные блестящіе глаза; красивыя черты исказились отъ страданья. Онъ метался на кровати, однако узналъ меня. На другой кровати, противъ него, бѣлокурый молодой человѣкъ съ важностью разбиралъ старыя газеты и объявленія, и, безъ умолку говоря, разсказывалъ мнѣ, какъ посредствомъ шарманки онъ устроитъ новый телеграфъ и на Волгѣ пароходы, а вѣдь съ Каспійскаго моря—рукой подать до Балтійскаго моря. И я отвѣчаю ему отъ времени до времени, чтобы его успокоить: „Хорошо; такъ точно“. Мой крестникъ иногда закричитъ на него, что онъ вздоръ говоритъ. И я съ грустью слѣжу за движеніями умирающаго, и его стоны сливаются съ этими безумными рѣчами контуженнаго юнкера. А дождь такъ и стучитъ въ палатку, вѣтеръ такъ и рветъ, такъ и завываетъ, а иногда раздается глухой гулъ со стороны Севастополя и напоминаетъ о продолженіи этихъ ужасныхъ взрывовъ на бастіонахъ и батареяхъ. Черныя тучи съ южной стороны, т.-е. той, гдѣ былъ Севастополь, освѣщены багровымъ заревомъ пожара!.. Къ утру мой крестникъ скончался!..

Какая безотрадная долина, какая жалкая растительность! Тутъ одна палатка; возлѣ нея лежитъ два ряда покойниковъ; они покрыты холстомъ, но видно, что ихъ болѣе 60-ти, и невдалекѣ роютъ огромную могилу. Два утра сряду я ходила туда, и всякій разъ видѣла новые ряды покойниковъ и новую вырытую братскую могилу; только на второй день немного въ сторонѣ опустили розовый гробъ съ серебрянымъ крестомъ, и я стала на колѣни и молилась, а священникъ бросилъ послѣднюю горсть земли. Какъ все грустно и безжизненно! А надъ Севастополемъ поднимается еще черный дымъ. Только воздухъ совсѣмъ перемѣнился—такой теплый и пріятный; небо не покрыто тучами, а чисто и ясно, и на безоблачномъ и голубомъ небѣ ярко и величественно блеститъ солнце... Да будетъ же оно символомъ будущаго возрожденія новоокрещеннаго и новопреставленнаго раба божія, воина Рафаила, за вѣру и царя на брани убіеннаго!

Больничный лагерь на Сѣверной сторонѣ производилъ на меня всегда тяжелое впечатлѣніе и по его грустной обнаженной мѣстности, и по множеству трудно раненыхъ, и по обстановкѣ, и по отношенію начальства къ сестрамъ и сестеръ между собою, и грубости нѣкоторыхъ изъ нихъ. Вечеромъ я уѣхала на Бельбекъ, но и тамъ я тоже находилась безъ дѣла и ждала и надѣялась на пріѣздъ Николая Ивановича Пирогова, а пока ходила все-таки въ лагерь больныхъ, но не ходила въ палатки французовъ,—не могла забыть, какъ въ самое то время, какъ притягивали мостъ къ Сѣверной сторонѣ, я, увидавъ на носилкахъ раненаго француза, у котораго текла кровь, подошла къ нему, чтобы перевязать его, и, не имѣя ничего въ рукахъ, изорвала свой носовой платокъ, а онъ мнѣ гордо сказалъ: „Et pourtant nous avons pris Sébastopol“!

Однако, пришлось мнѣ пойти къ французамъ. Докторъ Ульрихсонъ, которому велѣно было переписать всѣхъ раненыхъ плѣнныхъ, находящихся въ этомъ госпиталѣ, пришелъ просить меня идти съ нимъ и помочь ему, такъ какъ онъ не зналъ по-французски. Итакъ, я стала ходить и къ нимъ. Но скоро пріѣхалъ Н. И. Пироговъ,—не помню навѣрное числа,—но это было въ самыхъ первыхъ числахъ сентября, 4-го или 5-го; съ нимъ вернулся и нашъ докторъ Тарасовъ, хотя между сестеръ и ходилъ слухъ, что онъ уволенъ отъ должности врача при общинѣ. Пріѣхали также и нѣкоторые изъ врачей, которые были съ нимъ прежде на перевязочномъ пунктѣ. Я просила Николая Ивановича дать мнѣ какое-нибудь дѣло. Онъ мнѣ сказалъ: „Ступайте въ опера-

ціонную палатку". Я не помню, какая тамъ была сестра, но знаю, что она этимъ обидѣлась, хотя ей и говорили, что тутъ нѣтъ ничего для нея обиднаго, такъ какъ все перемѣнилось, и главный хирургъ—не тотъ.

Николай Ивановичъ съ своими ассистентами обошелъ всѣ палатки, переглядѣлъ всѣхъ раненыхъ, нашелъ очень много упущеній и запущеній; не знаю, были ли въ этомъ виноваты доктора, или наплывъ больныхъ въ предъидущіе дни былъ такъ великъ, что недоставало ни средствъ, ни времени. Сестеръ нельзя въ этомъ винить, у нихъ недоставало знанія и опытности, но усердія было много, и онѣ постоянно и безъ устали работали и перевязывали ввѣренныхъ имъ больныхъ.

Я думаю, ни доктора, ни нынѣшнія сестры, не повѣрятъ тому, что̀ я сейчасъ разскажу. Когда съ одного больного сняли компрессы и бинты, и промыли, то рука его выше локтя сама отвалилась! Я сама видѣла эту руку, мнѣ ее показалъ докторъ Бекерсъ. Съ перваго же дня начались операціи, и въ этой же палаткѣ осталось 12 человѣкъ оперированныхъ; они были поручены мнѣ, но очень было грустно, что изъ 12-ти скоро осталось 7. Всякій день были новыя операціи людей очень истощенныхъ и изстрадавшихся, а другихъ, которые только могли выдержать перевозку, отправляли въ транспортъ.

Живо помню, какъ Николай Ивановичъ Пироговъ по нѣскольку часовъ сряду простаивалъ при отправкѣ транспортовъ, и какъ, несмотря на дождь, грязь и темноту, онъ всякій день ходилъ въ лагерь больныхъ, что̀ и отъ нашихъ палатокъ было довольно далеко, а его маленькая квартира была еще дальше.

Въ эти же первые дни сентября въ общинѣ было цѣлое событіе — это пріѣздъ Екатерины Александровны Хитрово, начальницы сердобольныхъ сестеръ въ Одессѣ. Всѣ мелкія неурядицы, глупыя дрязги, нелѣпыя сплетни, которыя доходили до великой княгини чрезъ переднюю и всѣми задними лѣстницами, очень ее безпокоили, и она просила сестру Екатерину Александровну Хитрово поѣхать въ Крымъ и управлять общиной. Она пріѣхала съ одной молодой сестрой ихъ общины, сама оставалась въ платьѣ и золотомъ крестѣ одесскихъ сестеръ, и держала себя очень скромно, любезно со всѣми, никакъ не давая чувствовать, „qu'elle est revêtue de pleins pouvoirs par la Grande Duchesse", хотя и говорили: „aussi on sentait un grand malaise, quelque chose d'incohérant". Она мнѣ съ первой минуты очень понравилась,—сейчасъ было видно, что хорошо воспитанная; говорили, что она очень умна, очень религіозна. Но я долго боялась поддаться этому

впечатлѣнію, чтобы не обмануться, какъ это со мной случалось уже нѣсколько разъ. Но чѣмъ я больше узнавала Екатерину Александровну, тѣмъ больше я ее любила и уважала, и мы съ ней такъ сошлись, что я и теперь, хотя этому такъ давно, съ глубокимъ чувствомъ вспоминаю о ней. Несмотря на то, что̀ ей было сказано, или, можетъ быть, даже написано противъ меня, это не помѣшало нашему сближенію.

Правда, что все это былъ великій вздоръ, — меня ей представили жоржъ-зандисткой,—и это было совершенно нелѣпо. Я знаю, что у меня было много недостатковъ, что во многомъ я не была тѣмъ, чѣмъ должна быть сестра милосердія,—помню, что графъ Сакенъ, смѣясь, называлъ меня „la plus humble et la plus soumise des soeurs“,—знаю, что я далеко не подхожу къ тому идеалу сестры милосердія, который имѣю въ умѣ. Я знала много сестеръ милосердія,—и только одна для меня олицетворяла этотъ идеалъ—это Е. А. Хитрово. Бывало, поговоришь съ этой истинной сестрой милосердія,—и чувствуешь, что ея разговоръ и пріятенъ, и полезенъ, съ ней отведешь душу. Къ несчастью, я мало могла пользоваться этимъ.

Но вернусь къ моему разсказу. Какъ я уже прежде сказала, больныхъ всѣхъ отправляли, и ихъ оставалось очень мало. Сестры тоже уѣзжали въ Бахчисарай и въ Симферополь. Я предложила Николаю Ивановичу остаться съ двумя сестрами на Бельбекѣ на зиму; но онъ нашелъ, что это не нужно, и предложилъ мнѣ провожать транспорты больныхъ и раненыхъ отъ Симферополя до Перекопа. Я съ удовольствіемъ согласилась, тѣмъ болѣе, что меня давно мучила мысль о транспортахъ.

Послѣдній вечеръ, что̀ я провела на Бельбекѣ, очень мнѣ памятенъ; все думалось, что вотъ на другой день праздникъ, во всей Россіи теперь звонятъ и торжественно выносятъ крестъ. Такъ хотѣлось бы услыхать церковное пѣніе и поклониться кресту!.. Но только слышался отдаленный барабанный бой или раздавались глухіе звуки шаговъ уходившаго или приходившаго войска. Вечеръ былъ теплый; небольшой серпъ луны какъ-то таинственно освѣщалъ большія орѣховыя деревья и нашу опустѣвшую стоянку. Оставалась только одна палатка. Сестры, которыя должны были тутъ зимовать, переѣхали въ домикъ. Насъ сидѣло только четверо у большого стола, и послѣ того множества сестеръ, которыя тутъ собирались, и той суеты, которая тутъ царила, было что-то меланхолическое въ этой опустѣлой долинѣ... Но не долго я могла предаваться такому настроенію. Вывелъ меня изъ него нашъ письмоводитель Филипповъ, на котораго,

не знаю отчего, такая напала паника, что при каждомъ неясномъ звукѣ, долетавшемъ до насъ въ тишинѣ этого теплаго вечера, онъ терялся, начиналъ говорить, что опасно, что онъ сейчасъ уѣдетъ, а мы ему говорили, смѣясь, что онъ не можетъ уѣхать отъ сестеръ. И нашъ смѣхъ вовсе не гармонировалъ съ этой поэтической ночью и обстановкой.

Утромъ я уѣхала съ сестрами въ Бахчисарай, но ни въ квартирѣ сестеръ, ни въ бесѣдкѣ въ саду, мы не могли помѣститься: такъ было много сестеръ. И мы помѣстились въ какомъ-то татарскомъ домикѣ съ разбитыми стеклами,—тѣсно, холодно, однимъ словомъ, скверно! Но чистая бахчисарайская вода показалась намъ лучше всякаго лимонада; она, дѣйствительно, очень хороша, послѣ того, что̀ мы пили на Бельбекѣ,—придешь, бывало, къ столу и не вдругъ разберешь, въ которомъ графинѣ квасъ, въ которомъ вода,—а эта чистая, холодная вода казалась нектаромъ.

Я думала уѣхать на другой же день, но пришлось прождать до вечера Николая Ивановича, отъ котораго я должна была получить полную инструкцію для слѣдованія при транспортѣ. Она у меня есть, написанная его рукою. Привожу ее цѣликомъ:

1) „Въ какой мѣрѣ возможна перевязка раненыхъ на этапахъ и сколько, примѣрно, нужно сестеръ на каждую сотню раненыхъ?

2) „Какимъ образомъ утоляется жажда раненыхъ на пути и снабжены ли они или сопровождающіе транспортъ средствами, необходимыми для этой цѣли?

3) „Выдаются ли раненымъ, кромѣ ихъ шинелей, еще каждому одѣяло или халатъ, или же (трудно-больнымъ) полушубокъ?

4) „Какъ приготовляется пища на этапахъ и возможно ли снабдить этапъ теплыми напитками въ холодное время?

5) „Осматриваютъ ли транспортъ, растянутый иногда на цѣлую версту и болѣе, отъ одного этапа до другого, врачи или фельдшера?

6) „Соблюдается ли порядокъ, назначенный въ снабженіе больныхъ пищею, т.-е. кормятъ ли ихъ на тѣхъ этапахъ, гдѣ изготовлено должно быть для этой цѣли?

„Н. Пироговъ.

„Бахчисарай, 15-го сентября 1855 г.“

На другой день я и еще четыре сестры, запихавшись и согнувшись въ три погибели въ татарскомъ дилижансѣ или, попросту сказать, въ крытой фурѣ, поѣхали въ Симферополь. Пріѣхали туда въ пятомъ часу въ странопріимный домъ Таранова, гдѣ двѣ комнаты были отведены для сестеръ.

Екатерина Александровна тоже пріѣхала въ Симферополь; однако еще А. П. Стаховичъ распоряжается въ общинѣ, и мнѣ пришлось идти къ ней, чтобы получить отъ нея деньги, необходимыя для поѣздки, такъ какъ надо все купить и всѣмъ запастись. Она была очень разстроена, и только именемъ Николая Ивановича я могла получить отъ нея все, что̀ мнѣ было нужно, т.-е. денегъ и бѣлья изъ склада. Я слышала, что почти всѣ сестры 1-го и 2-го поѣзда, какъ исполнится годъ (мы вѣдь присягали на годъ), а можетъ быть и ранѣе, собираются уѣхать, а иныя уѣхали и прежде.

Наконецъ, 21-го сентября, въ пятомъ часу, выступилъ нашъ транспортъ, и я и три сестры со мной въ тарантасахъ, на измученныхъ фурштадтскихъ лошадяхъ, поѣхали за ними шагъ за шагомъ. Транспортъ на волахъ, 139 подводъ; на всѣхъ устроено нѣчто въ родѣ кибитокъ, неуклюжихъ, низенькихъ, крытыхъ рогожей.

На подводахъ по четыре человѣка; только на тѣхъ, гдѣ самые трудные или ампутированные, по три. Еще ѣдетъ докторъ, офицеръ и два фельдшера.

Долго мы ѣхали до нашего ночлега—аулъ Сарабузъ. Совсѣмъ стемнѣло, когда мы пріѣхали. Насъ встрѣтили страшный крикъ, шумъ: отводятся квартиры раненымъ и больнымъ.

Домики разбросаны не регулярно по обѣимъ сторонамъ Салгира, и намъ отведенъ домикъ. Цѣлое татарское семейство насъ окружило; пришелъ къ намъ и майоръ, который здѣсь продовольствуетъ больныхъ, какъ это было устроено въ то время и на всѣхъ этапахъ до Перекопа.

Жена его живетъ тутъ же, и онъ приглашалъ къ ней напиться чаю; я рада была не хлопотать о самоварѣ (который мы возили съ собой, также какъ и уголья), но прежде чѣмъ пойти къ нимъ, мы пошли на солдатскія кухни, посмотрѣть ужинъ больныхъ. Напившись чаю у майорши, мы вернулись въ свою саклю. Но меня ужасно мучило, что я еще не знаю, какіе у насъ больные и какъ они проведутъ ночь. На другое утро я очень обрадовалась, увидавъ, что опасно раненыхъ у насъ нѣтъ.

Въ 6 часовъ, при восходѣ солнца, мы пошли на перевязку. Съ большимъ удовольствіемъ я увидала, что фельдшера готовили разныя примочки и теплую воду. Корпія не очень хорошая, но порядочная. Перевязывали мы, четыре сестры, два фельдшера и докторъ. Къ девяти часамъ все было кончено. Больные пообѣдали, мы позавтракали и въ первомъ часу выѣхали.

До Экибаша, нашего второго ночлега, было 20 верстъ; мы пріѣхали туда въ 8 часовъ. Опять темно, опять крики, лай со-

бакъ, размѣщеніе больныхъ, и мы—въ своей новой саклѣ, на войлокахъ у низенькаго столика. Одно грустно и досадно: передовой пропалъ безъ вѣсти и ужина для больныхъ нѣтъ; хорошо, что многіе не хотятъ ѣсть. Потомъ мы узнали, что онъ проѣхалъ не въ тотъ аулъ.

На другое утро мы очень спѣшили,—перевязочныхъ у насъ 325 человѣкъ, а всѣхъ больныхъ до 500,—намъ предстоялъ переходъ въ 30 верстъ. Какъ только мы перевяжемъ одного, онъ тотчасъ идетъ обѣдать. Надѣялись скоро выѣхать, но всего одинъ колодезь,—напоить воловъ надо много времени,—такъ что мы выѣхали только въ 12 часовъ. Пасмурно; накрапываетъ дождь; если погода перемѣнится, бѣда больнымъ и намъ! И вотъ мы опять ѣдемъ и ѣдемъ, и все та же степь, и все тянется тотъ же безконечный обозъ. Впереди—верховой казакъ; сзади, въ крытой телѣжкѣ, на лошадяхъ—докторъ и офицеръ. Мы то обгонимъ весь транспортъ, то остановимся и всѣхъ пропустимъ мимо себя, считая, всѣ ли подводы тутъ, или, выйдя изъ тарантаса, идемъ по степи. И тянется нашъ обозъ—и больше ничего. Мы вѣдь ѣдемъ не по большой дорогѣ, гдѣ много ѣзды, а проселкомъ, отъ аула, въ которомъ ночевали, до аула, гдѣ будетъ ночлегъ, и даже не проѣзжая мимо ни одного аула.

Иногда мы обгоняли нашъ транспортъ и останавливались; между нами стоялъ боченокъ съ виномъ; онъ намъ служитъ столомъ, и мы на немъ располагали нашъ обѣдъ; случалась у насъ и говядина, и курица, а то только сыръ и икра. На наше счастье, вдругъ явится татаринъ съ огромной корзиной прекраснаго винограда. Онъ дорогъ, но въ дорогѣ, въ степи, это—находка.

Въ этотъ день мы очень запоздали, но, слава Богу, туча разсѣялась, звѣзды ярко сіяютъ; уже десять часовъ, а мы все ѣдемъ. Скучно! пошли пѣшкомъ. Одиннадцать часовъ, все пустая степь; нашъ кучеръ, старый фурштадтскій солдатъ, очень усердно насъ утѣшаетъ и говоритъ: „Слышите, собаки брешутъ: видно, близко аулъ“. Но долго слышали мы ихъ лай и только въ первомъ часу доѣхали. Аулъ до того растянутъ, что наша квартира—съ полверсты отъ кухни; я съ одной сестрой и татариномъ иду туда посмотрѣть, какъ размѣстили больныхъ. Ужинъ есть, но много ли найдется на него охотниковъ: такъ поздно, а возлѣ подводъ раздаются разныя жалобы и крики, что нѣтъ квартиръ и всѣмъ помѣщенія. Я сейчасъ пошла къ доктору и просила его идти туда и все уладить. Это—славный старикъ, докторъ медицины, Александръ Николаевичъ Муравьевъ; онъ все время находится при перевязкѣ и самъ перевязываетъ или даетъ

лекарство и всякаго внимательно разспрашиваетъ. Во всѣхъ этихъ переходахъ мы потеряли нашего провожатаго татарина и уже кое-какъ, вдвоемъ съ сестрой, добрались до нашей квартиры, избѣгая собакъ, верблюдовъ и ямъ, которыхъ множество приготовлено, чтобы ссыпать въ нихъ хлѣбъ, а собакъ въ аулѣ множество, особливо вокругъ нашихъ кухонь. На другой день мы не спѣшили: переходъ маленькій, всего 15 верстъ. Погода славная, солнце свѣтитъ; хохлатые жаворонки такъ и распѣваютъ. И нашъ транспортъ, слава Богу, не наводитъ большой тоски: очень мало трудныхъ; многіе идутъ возлѣ подводъ, а другіе, сидя на подводахъ, играютъ въ карты; если найдется такой, что умѣетъ разсказывать сказки, то онъ и говоритъ, а другіе внимательно слушаютъ. И мнѣ иногда случалось идти возлѣ подводы и прислушиваться. Иные даже пѣли.

Въ Біюкъ-Барашке мы пріѣхали рано и, посмотрѣвъ, какъ размѣстили больныхъ, пошли на свою квартиру, маленькую татарскую саклю. Въ ней на мѣсто пола — битая глина, на мѣсто потолка—одна крыша, а вмѣсто стеколъ—бумага, но стѣны чисты, очень тепло.

И мы принялись пить чай на маленькомъ столикѣ, сидя на войлокахъ. Пришли къ намъ и два офицера, которые завѣдуютъ продовольствіемъ больныхъ на этихъ этапахъ, и еще офицеръ, который провожаетъ нашъ транспортъ. Мы ихъ тоже поили чаемъ; потомъ, взявъ фонарь, пошли на кухню, посмотрѣть ужинъ больныхъ. Кто можетъ, приходитъ туда ужинать, а другимъ разносятъ по квартирамъ. Хотя было еще рано, но мы легли спать. Все было такъ тихо и спокойно; и люди, и собаки, и кошки —все умолкло, а то подчасъ отъ нихъ такой шумъ, что хуже бомбъ.

Какъ вѣрно изображеніе восхода и заката солнечнаго на степи у Саврасова, и какъ хорошо оно вставало въ туманѣ въ Біюкъ-Барашке! Въ туманѣ собираются наши раненые къ перевязочному пункту; они толпятся возлѣ двухъ досокъ, на которыхъ все приготовлено. Тѣ, которые насилу дошли, хромая, сидятъ въ отдаленіи, а прочіе, одинъ передъ другимъ, стараются подойти скорѣе, сбрасываютъ шинели, развязываютъ бинты. Иной говоритъ:—Перевяжи же! Вѣдь ты всѣ эти дни меня перевязывала!

И такъ мы перевязываемъ около трехъ часовъ. Докторъ тоже перевязываетъ, или съ ложкой въ рукахъ даетъ лекарство. Офицеръ переходитъ отъ насъ къ кухнѣ, отъ кухни къ воламъ. Кончивъ тутъ перевязку, мы идемъ по квартирамъ, перевязывать

тѣхъ, что̀ тяжело ранены. Въ 9 часовъ все кончено, и мы идемъ къ себѣ—пить кофе на этотъ разъ, что̀ большая рѣдкость. У насъ было и свѣжее масло, только изъ варенаго молока. Докторъ и офицеръ тоже пришли къ намъ пить кофе. Мы съ ними въ очень хорошихъ отношеніяхъ. Больные очень жалѣютъ, что мы ѣдемъ только до Перекопа. Сестры очень дружны между собой, да и нашъ фурштадтскій старикъ Алексѣй находитъ, что гораздо лучше возить сестеръ, чѣмъ кули.

Опять ѣхали мы цѣлый день, и только отъ времени до времени наша степь оживлялась проходомъ орловскаго ополченія; молодцы, и хорошо одѣты, въ черныя полукафтанья. Съ иными мы разговаривали. Я спросила у одного, знаетъ ли онъ, кто мы.

— Какъ же: сестры милосердія; мы про васъ въ „Вѣдомостяхъ“ читали.

А другой, который со мной разговорился, когда я ему сказала, что мы оставили Севастополь, возразилъ рѣшительно:

— Ну, а мы его опять возьмемъ!

Въ девятомъ часу пріѣхали въ Качкары. Опять шумъ, гамъ, лай и крикъ!

На другой день мы опять должны были спѣшить, такъ какъ переѣздъ до Перекопа ужасный—32 версты!

Выѣхали въ 11 часовъ; нѣсколько верстъ ѣхали проселкомъ, и тутъ только и увидишь вдали верблюда или вола, или дрохва пролетитъ надъ головами.

Выѣхали на большую дорогу; можно считать версты, будутъ проѣзжіе, будетъ развлеченіе. Но какое грустное развлеченіе! Вотъ воловьи возы, нагруженные мебелью и разнымъ хламомъ, а наверху сидятъ цѣлыя семейства. Какъ на нихъ грустно смотрѣть! Это все семейства флотскихъ изъ Севастополя, гдѣ они жили въ своихъ домахъ и въ довольствѣ; а теперь они все потеряли и пробираются, бѣдные, въ Николаевъ.

До Перекопа мы ѣхали 12 съ половиною часовъ, такъ что пріѣхали туда только въ половинѣ 12-го. Госпиталь освѣщенъ—это какая-то бывшая жандармская казарма; хорошо, что всѣхъ положатъ вмѣстѣ, только очень тѣсно ихъ положили.

Но что̀ меня ужасно взволновало и чего я никакъ не могла уладить, какъ ни старалась: офицеръ, который распоряжался размѣщеніемъ больныхъ на койки или на полу, никакъ не хотѣлъ положить слабаго больного на койку, говоря, что на нихъ велѣно класть только раненыхъ. Напрасно я ему говорила, что у насъ есть раненые совсѣмъ здоровые, а больные

гораздо слабѣе, а одинъ и очень слабый. Но онъ преспокойно отвѣчалъ:

— Генералъ такъ приказалъ.

Я отвернулась отъ него и не удержалась, чтобы громко не сказать:

— Приказаніе глупое, да и исполненіе такое же!—и пошла постараться хоть на полу уложить покойнѣе моего больного.

Ужинъ былъ готовъ. Намъ отвели маленькую, чистую комнату; въ ней стоятъ столъ и лавки, а всѣ эти дни мы сидѣли на полу. Напившись чаю, въ два часа мы легли спать, въ половинѣ шестого встали и пошли на первязку. Къ намъ пришли двѣ сестры. Ихъ здѣсь четыре; онѣ присланы Екатериной Александровной Хитрово изъ Одессы, но не изъ ея общины, а изъ новонабранныхъ прямо въ крестовоздвиженскія сестры. Е. А. Хитрово, кажется, отправляла сестеръ и въ Херсонъ, и въ Николаевъ, такъ какъ тамъ сестеръ, присланныхъ изъ Петербурга, было слишкомъ мало по множеству больныхъ, которые тамъ находились.

И здѣсь сестрамъ очень много дѣла: онѣ перевязываютъ во всѣхъ госпиталяхъ, а госпиталя помѣщаются во всѣхъ домахъ нѣсколько побольше прочихъ. А когда приходитъ транспортъ (и это бываетъ довольно часто), онѣ тоже приходятъ на перевязку; тутъ я познакомилась и съ ихъ старшей сестрой. Кажется, она хорошая женщина, и прекрасно исполняетъ свой долгъ, но въ ея тонѣ и съ больными, и съ здоровыми, есть непріятная рѣзкость; она входитъ въ палату и громко говоритъ: „Здорово, ребята“! И часто, по привычкѣ, тѣ отвѣчаютъ: „Здравія желаемъ вашему благородію“! И смѣшно, и досадно!

Мы пошли къ сестрамъ, и я съ старшей сестрой пошла по всѣмъ госпиталямъ. А послѣ обѣда мы зашли къ Озерецковскимъ; это очень милое и привѣтливое семейство, а ихъ хорошенькая дача, съ деревьями, зелеными кустарниками—настоящій оазисъ въ этой солончатой мѣстности. Ночевать мы вернулись въ нашу казарму, и 28-го сентября, рано утромъ, выѣхали обратно въ Симферополь.

Намъ предстояло скучное путешествіе — ѣхать на измученныхъ лошадяхъ 130 верстъ, и во всю дорогу—только одни небольшіе станціонные домики.

На первой станціи мы покормили лошадей, и въ 10 часовъ вечера пріѣхали на ночлегъ; но на станціи не только не было свободной комнаты, гдѣ бы переночевать, но даже и такой, гдѣ бы напиться чаю. На наше счастье, два офицера предложили

намъ для этого свою комнату, а я провела ночь въ тарантасѣ, и едва только развѣло, нашъ Алексѣй запрягъ своихъ коней, и мы, полусонныя, поѣхали въ Айбары, гдѣ пили чай и обѣдали, хоть и очень плохо, а все же — обѣдъ.

Въ Трехобломъ мы прибыли рано, а такъ какъ мы ѣхали на своихъ и не имѣли подорожной, то смотритель не хотѣлъ насъ пустить ночевать на станцію; но я ему объявила, что кто ѣдетъ по казенной надобности, тотъ имѣетъ право останавливаться въ казенномъ домѣ. Онъ сталъ просить хоть какой-нибудь бумаги, а я ему возразила, что довольно взглянуть на наши платья и кресты, чтобы убѣдиться въ нашемъ правѣ, прошла мимо него, сѣла на диванъ, и больше насъ никто не безпокоилъ. Мы сами поднялись въ четыре часа утра и остановились покормить лошадей въ корчмѣ, близъ Салгира. Отъ нечего дѣлать и чтобы сократить время, мы гуляли по степи, которая была вся покрыта, точно лиловымъ ковромъ, цвѣтами Colchicum autumnale, а въ два часа пріѣхали въ Симферополь. Тотчасъ же я пошла къ Екатеринѣ Александровнѣ Хитрово, и съ ней вмѣстѣ вечеромъ къ Николаю Ивановичу Пирогову, гдѣ увидала Елизавету Петровну Карцеву. О ней я не буду говорить: она слишкомъ хорошо извѣстна и теперь, какъ самая отличная сестра, и въ Крестовоздвиженской, и въ Георгіевской общинахъ. Она произвела на меня очень пріятное впечатлѣніе. Елизавета Петровна очень встревожена была всѣмъ, что̀ здѣсь происходило. Всѣ, и довольныя, и недовольныя прежнимъ управленіемъ, были въ какомъ-то трагикомическомъ смятеніи, всѣ перешептывались. А. П. Стаховичъ говоритъ, что она уходитъ, а тутъ же распускаютъ слухъ, что она получила письмо изъ Петербурга, гдѣ ее умоляютъ оставаться. Да и во всемъ другомъ сплетней и слуховъ нѣсть конца. Вотъ, напр., я ѣду въ Перекопъ, а мнѣ говорятъ, что тамъ французъ; ѣду обратно, опять говорятъ, что онъ на такой-то станціи. А пріѣхала на станцію, — говорятъ, что тутъ нигдѣ никого нѣтъ, а французъ—за семь верстъ отъ Бахчисарая, гдѣ церковь св. Анастасіи. А бахчисарайскія сестры туда ходили па богомолье, и тамъ рѣшительно все спокойно.

Мнѣ пришлось написать Николаю Ивановичу отчетъ о транспортѣ и свои замѣчанія. Меня это очень затрудняло. Исписала цѣлый листъ кругомъ. Что̀ было написано, совершенно не помню: не то отчетъ, не то журналъ, не то замѣчанія.

Зная, что я должна Николаю Ивановичу докладывать, я еще въ дорогѣ кое-что записывала. Были тутъ и возгласы въ родѣ того: „Мало людей настолько добросовѣстныхъ, чтобы исполнять

свой долгъ въ виду только Бога и степи"! Были также замѣчанія и о сестрахъ, которыя истинно и много трудятся.

Въ Симферополѣ, оказалось, очень много госпиталей: всѣ присутственные дома, всѣ большія зданія, Благородное Собраніе, гимназія, домъ казенной палаты,—все занято, а Присутствіе—въ домѣ предсѣдателя Владислава Максимовича Княжевича. Онъ—мой давнишній знакомый, и былъ очень внимателенъ ко мнѣ, да и во всѣхъ сестрахъ принималъ большое участіе.

Всегда буду вспоминать съ большой благодарностью, что онъ, несмотря на всѣ хлопоты и тревоги того времени, какъ только узналъ, что всѣ сестры благополучно вышли изъ Севастополя, сейчасъ написалъ къ моей сестрѣ и успокоилъ ее гораздо раньше, чѣмъ она могла получить мое письмо.

Приведу здѣсь стихи моей сестры, написанные ею въ каретѣ, когда она получила о насъ извѣстіе и ѣхала на Каменный Островъ. Она тогда жила въ Петербургѣ и часто гостила у великой княгини Елены Павловны, то на Каменномъ, то въ Ораніенбаумѣ.

Стихи эти такъ и остались неотправленными, и я ихъ прочла только тогда, когда вернулась въ Москву. Да, тяжело ужасно было тѣмъ, у кого были тогда въ Крыму родные!

* * *

Ты въ каждый мигъ и дня и ночи
Въ моей душѣ, въ моихъ мечтахъ!
Въ незримый край вперяю очи,
Живу не здѣсь, а въ тѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ ты на поприщѣ страданья.
Молюсь, страдая и любя,
Но въ сердцѣ грустномъ упованье:
Господень крестъ хранитъ тебя!

* * *

Полна тревогою разлуки,
Не замѣчаю, что́ кругомъ;
Внимая пѣсенъ сладкихъ звуки,
Въ душѣ я слышу пушекъ громъ.
И отчужденная душою—
Молюсь, страдая и любя,
Твержу, борясь съ моей тоскою:
Господень крестъ хранитъ тебя!

* * *

Вокругъ меня сады, аллеи,
Краса цвѣтущая дворцовъ,
Но все мнѣ видятся траншеи
И раны страшныя, и кровь...

Смыкая, открывая вѣжды,
Молюсь, страдая и любя.
Но въ сердцѣ лучъ святой надежды:
Господень крестъ хранитъ тебя!

* * *

О, счастья радостныя вѣсти!
Тебя Господь намъ сохранилъ.
И вѣрю я: мы будемъ вмѣстѣ,
Великъ Господь щедротъ и силъ!
Благодарю всѣмъ сердцемъ Бога,
Молюсь, блаженствуя, любя;
Въ душѣ спокойной вѣры много
Въ Господень крестъ:—онъ спасъ тебя!

1855 года, 8-го сентября.

Продолжаю о госпиталяхъ. Итакъ, ихъ было много. Во всѣхъ были помѣщены сердобольныя изъ Петербурга и Москвы; я слышала, что ихъ было 80; многія изъ нихъ хворали, и даже говорили, что 20 умерло, что̀ выходитъ очень много, и гораздо больше, чѣмъ умерло сестеръ. Можетъ быть, это и оттого, что сестры были моложе, и обставлены были удобнѣе; сестры ходили дежурить, проводили въ госпиталяхъ сутки и возвращались отдыхать въ общину, а главное—имѣли готовое содержаніе отъ общины; а сердобольныя жили по двѣ и по одной при госпиталѣ, получали деньги на пищу, и должны были сами хлопотать о своемъ содержаніи; иныя и не умѣли, и не хотѣли этимъ заняться; другія экономничали, желая сберечь деньги, и все это дурно вліяло на ихъ здоровье.

Кстати, вспомню очень странную память сумасшедшаго—и одно очень странное совпаденіе.

Изъ всѣхъ сердобольныхъ знала я только одну, которая жила прежде у моей тетушки, а потомъ поступила во вдовій домъ, и была уже сердобольной, когда стали имъ предлагать ѣхать въ Крымъ. Она прибѣжала ко мнѣ спрашивать совѣта; я, разумѣется, совѣтовала ѣхать, такъ какъ тогда только и думала, какъ попасть туда. Въ ея госпиталѣ было отдѣленіе для сумасшедшихъ; вдругъ она получаетъ отъ одного изъ больныхъ записку, въ которой онъ проситъ у нея чаю,—а Екатерина Михайловна Бакунина ей послѣ отдастъ; она сейчасъ пошла къ нему, и онъ ей разсказалъ, гдѣ меня видѣлъ, и далъ письмо ко мнѣ. Но она только тогда убѣдилась, что я точно въ Крыму, когда я сама пришла къ ней.

Я тоже ходила нѣсколько разъ и къ больному юнкеру, что̀ лежалъ прежде съ моимъ крестникомъ. Онъ былъ всегда очень

радъ, когда я къ нему приходила. Онъ, слава Богу, совсѣмъ поправился. Этимъ госпиталемъ одно время завѣдывалъ нашъ докторъ Тарасовъ, который и остался докторомъ общины и много трудился и сочувствовалъ устройству и успѣху ея. Моей знакомой сердобольной, Клеопатрой Александровной Мальвиной, онъ былъ очень доволенъ.

Въ концѣ сентября или началѣ октября сестры поступили въ бараки, которые стали наполняться больными. Обязанности старшей сестры исполняла Е. П. Карцева, а сестры ѣздили туда на суточныя дежурства. Сестеръ въ эту минуту было много, но многія изъ нихъ собирались уѣхать, такъ какъ срокъ ихъ кончался: 1-ое и 2-ое отдѣленіе поступили въ ноябрѣ. Я же, когда была въ Симферополѣ, оставалась въ страннопріемномъ домѣ Таранова, гдѣ находились и больныя сестры. Опять появился у насъ тифъ.

Мнѣ говорили, да и самой мнѣ казалось, что тотъ транспортъ, который мы провожали, былъ устроенъ лучше, чѣмъ другіе, такъ какъ знали, что Николай Ивановичъ посылаетъ сестеръ съ транспортомъ.

Я предложила Николаю Ивановичу поѣхать на первый этапъ неожиданно, чтобы посмотрѣть, что̀ тамъ дѣлается. И вотъ, узнавъ, что вечеромъ ушелъ транспортъ, я на зарѣ велѣла заложить тройку въ телѣгу — и съ сестрой Антиповой поѣхала въ аулъ Сарабузъ, первый этапъ больныхъ, прямо къ раздачѣ говядины и обѣда; мы хлопотали, чтобы всѣ были накормлены, помогли перевязкѣ, указали на глупое распоряженіе,—а именно: тяжело раненые были помѣщены далеко отъ кухни,—подбили доктора побранить фельдшера, а докторъ просилъ меня побранить офицера; роздали табакъ (бѣлье на этотъ разъ было хорошо); но транспортъ былъ устроенъ гораздо хуже, чѣмъ тотъ, который мы провожали; у насъ былъ докторъ, очень расторопный офицеръ, два фельдшера и 500 больныхъ на 130 подводахъ, да еще 9 подводъ для тяжестей; въ этомъ же транспортѣ на 130 подводахъ были и тяжести, и 600 человѣкъ, лекарь, одинъ фельдшеръ и какой-то вялый офицеръ. Къ четыремъ часамъ мы были дома.

Опять я скоро собралась провожать транспортъ и опять только до Перекопа; дальше Николай Ивановичъ не позволялъ; онъ находилъ, что возвращеніе затруднительно, и хотѣлъ, чтобы сестры, которыя совсѣмъ уѣзжаютъ, провожали транспортъ и, доведя его до мѣста, продолжали бы свой путь дальше; но это не уладилось. Кажется, сестры не соглашались, а можетъ быть и что̀ другое помѣшало,—навѣрное не знаю. Знаю только, что еще

до Перекопа одинъ разъ четыре сестры (за старшую была А. М. Медвѣдева) провожали транспортъ и вернулись въ Симферополь.

9-го октября, Николай Ивановичъ Пироговъ прислалъ мнѣ сказать, что транспортъ готовъ и выступаетъ, но опять только до Перекопа мы должны провожать его и остаться тамъ нѣсколько дней, чтобы хорошенько посмотрѣть, что̀ тамъ дѣлается. Я сейчасъ послала сказать, чтобы мнѣ приготовили лошадей.

Еще когда сестры были на Бельбекѣ, туда великая княгиня велѣла прислать лошадей изъ своего имѣнія, полтавской губ., Карловки, но вдругъ я узнаю, что ихъ куда-то услали. Такъ было это досадно, и мы только въ пять часовъ могли выѣхать. И что̀ же? Транспортъ на лошадяхъ, а все еще стоитъ у заставы. Но мнѣ сказали, что есть передовые на волахъ; наконецъ, мы поѣхали впередъ, перегнали еще три подводы. Изъ одной привсталъ полупьяный унтеръ-офицеръ и, глядя на насъ, сказалъ:—Никакъ милосердныя! Значитъ, надо ѣхать скорѣй готовить ужинъ!

Однако мы пріѣхали прежде него.

Тихо въ аулѣ Сарабузъ. Ночь чудная; луна такъ и блещетъ, такъ и сверкаетъ въ струйкахъ Салгира, который извивается по аулу. Но нельзя было, однако, восхищаться красотой ночи, особливо старшей сестрѣ, и оставить сестеръ la passer à la belle étoile. Наша прежняя квартира занята; я велю позвать десятскаго татарина и приказываю ему отыскать намъ квартиру. Онъ сейчасъ же это и сдѣлалъ. Мы раскладываемся, хлопочемъ съ самоваромъ. Со мною опять тѣ же сестры, что̀ ѣхали и въ первый разъ. Часа черезъ два пріѣхали и наши больные. Всѣ подводы конныя; раненыхъ 105, а больныхъ 380.

Молчаливый аулъ оживился; подводчики развели яркіе огни (бурьянъ горитъ какимъ-то бѣлымъ пламенемъ, въ родѣ бенгальскаго огня), и они, и нѣкоторые больные собрались вокругъ огней, и слышенъ не полусонный и монотонный разговоръ чумака, который только чумакуетъ за солью черезъ Перекопъ или Чангарскій мостъ,—тутъ иной разсказываетъ про нѣметчину, потому что ходилъ туда съ товаромъ, а другой говоритъ, что былъ за Дунаемъ, и въ Тамани, и въ Сибири—не далеко, ходилъ только до томской области.

Докторъ у насъ—студентъ изъ Харькова, очень вялый, а офицеръ очень проворный (и къ моей великой радости—распорядился перемѣнить солому у больныхъ), два фельдшера, но перевязки мало, всего 50 съ чѣмъ-то человѣкъ; есть изъ нихъ 28 ампутированныхъ, но въ очень хорошемъ состояніи.

Въ Экибашъ мы пріѣхали благополучно и оттуда во̀-время выѣхали. Ѣдемъ себѣ по нашей однообразной степи, но вдругъ на горизонтѣ что-то блеститъ, то въ той, то въ другой сторонѣ. Наконецъ, видимъ, что это—войско, а тамъ вдали у аула еще больше, а ближе къ намъ стоятъ по два солдата, не въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга.

Мы ѣхали впереди всего транспорта. Намъ кричатъ:—Стой! —Что̀ это?—Цѣпь...—Какъ, зачѣмъ?—Подхожу къ гренадеру (а его товарищъ пошелъ за офицеромъ) и спрашиваю, что̀ они тутъ дѣлаютъ. Онъ отвѣчаетъ мнѣ, смѣясь:

— Говорятъ, что французъ тутъ шляется, такъ мы его и стережемъ!

Пришелъ офицеръ и говоритъ, что ихъ сегодня только сюда привели и велѣли быть наготовѣ, но это только предосторожность. Насъ пропустили, и опять мы не видимъ ничего воинственнаго, а только табуны немного оживляютъ голую степь.

Главныя наши хлопоты на ночлегѣ состоятъ теперь въ томъ, что мы по утрамъ поимъ иныхъ больныхъ чаемъ, а другихъ кофеемъ. Чайникъ, въ которомъ варится кофе, кое-какъ разогрѣвается на кизякѣ, а для самовара возимъ уголья; но они такъ истерлись, что годятся для зубного порошка, а не для самовара. И вотъ, подъ большимъ колпакомъ, сдѣланнымъ изъ плетня и глины, который трубой выходитъ кверху, мы, сидя на глиняномъ полу, варимъ кофе. Татаринъ, татарченокъ лѣтъ десяти, еще двѣ татарки, одна съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, и прехорошенькая татарочка лѣтъ пяти, моя большая пріятельница, хлопочутъ, чтобы развести самоваръ лучинами. Татаринъ рѣжетъ ихъ, а дѣвочка подаетъ, а я, съ Монтандономъ въ рукахъ (Guide du voyageur en Crimée), разговариваю съ татариномъ, спрашиваю, скоро ли у него будетъ марушка (жена). Онъ отвѣчаетъ, что хочетъ марушку въ 100 карбованцевъ (серебряный рубль), а про татарокъ, что̀ съ нами сидятъ, женъ его братьевъ, говоритъ, что одна стоила одинъ карбованецъ, а другая —50. Всѣ хохочутъ надъ моимъ татарскимъ языкомъ. Потомъ пришли еще шесть татарокъ, и были очень довольны, когда я имъ раздала булавокъ. Мы въ этой саклѣ большіе пріятели; старикъ хозяинъ, провожая насъ, кричитъ: „Твой у моя“! А я отвѣчаю: „Якши“!

Въ Перекопъ пріѣхали довольно рано, какъ и всегда, на шестой день. Я ѣхала съ той мыслью, что эту ночь больнымъ нашимъ покойно будетъ въ госпиталѣ, но когда вошла туда, была ужасно непріятно поражена: тамъ уже лежитъ 500 больныхъ;

только что пришедшій изъ Польши гренадерскій корпусъ очень страдаетъ отъ тифа. Иные говорятъ, что они съ собой принесли болѣзнь; другіе—что имъ очень неудобно, нѣтъ для нихъ никакого жилья, даже говорятъ, что нѣтъ палатокъ!

И опять было распоряженіе помѣстить только раненыхъ въ госпиталь, а всѣхъ больныхъ—въ палатки. Хорошо еще, что это большія госпитальныя палатки на сукнѣ, и въ нихъ было довольно тепло. Мы поѣхали ночевать къ сестрамъ. Я, по желанію Николая Ивановича, осталась въ Перекопѣ на нѣсколько дней; ходила цѣлые дни изъ госпиталя въ госпиталь, записывала, замѣчала, чтобы все передать ему. Иногда вечеромъ, чтобы вздохнуть свѣжимъ воздухомъ, ходила къ Озерецковскимъ, и вполнѣ отдыхала отъ шума, криковъ, брани, стоновъ, слушая прекрасное пѣніе жены сына Озерецковскаго, у которой великолѣпный контральто.

Я удивлялась, какъ ко всему можно привыкнуть: когда я пожила нѣсколько дней въ Перекопѣ, гдѣ вода соленая, то послѣ другая вода мнѣ казалась нехороша и слишкомъ прѣсна.

20-го мы вернулись въ Симферополь, и какъ только я пріѣхала, пошла къ Николаю Ивановичу отдать ему отчетъ о транспортѣ и о перекопскомъ госпиталѣ.

Въ общинѣ я нашла большія перемѣны. А. П. Стаховичъ подъ конецъ все бросила, и у насъ было настоящее междуцарствіе; въ субботу она уѣхала, а съ ней, за исключеніемъ только четверыхъ, и все 1-ое отдѣленіе. Я ходила къ ней прощатся. Признаюсь, что мнѣ не хотѣлось, но Николай Ивановичъ говорилъ, что надо. Я ему отвѣчала, что, прощаясь, надо что-нибудь сказать, а я не могу.

— Ну, и не говорите, а все-таки идите прощаться.

Я и пошла. Разумѣется, прощанье было самое холодное. Въ воскресенье, въ домѣ, гдѣ жили сестры, былъ молебенъ съ водосвятіемъ, и послѣ молебна Николай Ивановичъ представилъ намъ Екатерину Александровну Хитрово, какъ старѣйшую сестру, замѣняющую начальницу, при чемъ сказалъ, что всѣ важныя дѣла должны рѣшаться сестрой-начальницей съ старшими сестрами, имъ самимъ и священникомъ. Онъ надѣется, что все пойдетъ хорошо, что и сестры поймутъ святую обязанность, которую взяли на себя.

Екатерина Александровна перебила его рѣчь, замѣтивъ, что она только временно будетъ въ нашей общинѣ; она и оставалась всегда въ одѣяніи одесской общины. Въ Тарановскомъ домѣ, гдѣ въ это время былъ госпиталь сестеръ, у насъ опять были ти-

фозныя изъ тѣхъ, что̀ не были больны въ Севастополѣ; иныя были въ очень трудномъ положеніи, но поправлялись; умерла только одна сестра, и то по своей неосторожности.

27-го ждали государя. Цѣлый день суета страшная, скачутъ верхомъ, бѣгутъ пѣшкомъ, ѣдутъ въ экипажахъ. Бульваръ вокругъ собора наполненъ народомъ; священники въ соборѣ съ утра. Всѣ улицы освѣщены плошками; на обнаженныхъ деревьяхъ альянтуса и бѣлой акаціи качаются отъ сильнаго вѣтра разноцвѣтные фонари, повѣшенные безъ всякаго порядка, и низко, и высоко.

Съ нашего балкона былъ очень хорошій эффектъ. Теперь здѣсь всѣ дома заняты для генераловъ, да и безъ пріѣзда государя Симферополь совсѣмъ не тотъ мирный и тихій городокъ, какимъ я его знала въ 1850-мъ году. Дома всѣ переполнены, правда, большею частью больными или бѣжавшими изъ Севастополя и другихъ городовъ. Видишь и нарядныхъ дамъ, но мужская половина населенія напоминаетъ госпиталь: или безъ руки, или безъ ноги, съ подвязанной рукой, съ завязанной головой или изнуренные болѣзнью.

На улицахъ до того тѣсно, что пройти нельзя; всевозможныя телѣги, великороссійскія, малороссійскія, новороссійскія, всевозможныя татарскія, отъ самой длинной маджары до двухъ-колесной арбы, и нѣмецкія фуры, покрытыя холстомъ, все это заложено худыми лошадьми, косматыми верблюдами и всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и роста волами.

И все это до того загромождаетъ улицы, что не знаешь, какъ и пройти...

Однимъ словомъ, въ 50-мъ году въ Симферополѣ было 13 тысячъ жителей, а теперь—60 тысячъ.

Въ 10-мъ часу кто-то закричалъ:—Ѣдетъ государь!—Одни кинулись къ окошкамъ,—иные къ воротамъ. А потомъ сказали, что это не государь; но народъ долго стоялъ, и иллюминація долго горѣла. Государь пріѣхалъ очень поздно.

Это время я проводила очень уединенно; въ госпитали не ходила,—а это для меня было единственное разсѣяніе: боялась, что сестры или сердобольныя будутъ на меня коситься и подумаютъ, что я теперь хожу, чтобы встрѣтить гдѣ-нибудь государя. Къ Николаю Ивановичу тоже не хожу безъ дѣла: меня мучила мысль, что, наконецъ, ему такъ надоѣдятъ сестры и разговоры о сестрахъ, что онъ махнетъ рукой на общину.

Я задумала опять поѣхать съ транспортомъ и пошла въ главный госпиталь, откуда они отправляются, узнать—будетъ ли

транспортъ. Тамъ никто ничего не зналъ. Тогда я пошла отыскивать генерала Остроградскаго. Я не помню его оффиціальнаго титула, но знаю, что онъ завѣдывалъ госпиталями. Онъ былъ добрый человѣкъ,—самъ, бывало, таскаетъ койки,—славный былъ бы фельдфебель, но не распорядитель! Я отыскала его, наконецъ, въ правленіи. Стала ему говорить о томъ, что̀ дѣлается въ Перекопѣ, какія были перемѣны, а онъ мнѣ отвѣчаетъ совершенно равнодушно: — А я этого не знаю. — Меня это совершенно взорвало, и я говорю ему: — Да вѣдь вы тамъ начальникъ?— Какъ же, начальникъ!—Я имѣла убѣжденіе, что начальники должны знать, что̀ у нихъ дѣлается,—и еще много ему наговорила, и сказала, что сейчасъ ѣду къ Николаю Ивановичу. А Остроградскій былъ такъ любезенъ, что проводилъ меня на крыльцо, и скоро самъ пошелъ къ Николаю Ивановичу, къ которому я пришла раньше, чтобы спросить у него, не угодно ли ему, чтобы я ѣхала на другой день въ транспортъ. Онъ мнѣ сказалъ, что ему было бы очень угодно, да рѣшусь ли я сама, такъ какъ холодно, а ѣхать надо уже не до Перекопа, а до Берислава. Я, разумѣется, рѣшилась. Погода была вѣтреная, но довольно теплая, а главное—было сухо. Я только боялась грязи для лошадей, такъ какъ тарантасъ тяжелъ, и очень была рада, что Остроградскій пришелъ къ Николаю Ивановичу, такъ какъ при этомъ послѣднемъ я могла отъ него добиться, чтобы всѣ больные были въ суконныхъ нижнихъ платьяхъ, а то они, несмотря на холодъ, все еще въ холстинныхъ. Было еще ужасное распоряженіе: когда транспортъ отправляли изъ Симферополя, то на всякую подводу давали только по два полушубка, хотя больныхъ было по четыре на подводѣ! Но что̀ еще хуже,—когда больные продолжали дальше свой путь въ Россію, гдѣ холоднѣе, полушубки отбирались и отправлялись обратно въ Симферополь!

Тѣмъ же порядкомъ мы проѣхали пять ночлеговъ, но на мѣсто Перекопа нашъ транспортъ былъ остановленъ въ Армянскомъ-Базарѣ—пять верстъ, не доѣзжая до Перекопа. Больные кое-какъ были размѣщены по нетопленнымъ домамъ, и городничій объявилъ, что для сестеръ нѣтъ квартиры, но унтеръ-офицеръ распорядился иначе, и намъ отвели хорошенькій армянскій домикъ,—чисто, тепло. Одно было грустно и тяжело: больнымъ нѣтъ ужина, а за неимѣніемъ котловъ мы не могли напоить ихъ ни кофеемъ, ни чаемъ; однимъ небольшимъ самоваромъ не напоишь двухсотъ человѣкъ.

Утромъ я поѣхала въ Перекопъ въ контору хлопотать, чтобы больнымъ прислали водки и устроили обѣдъ; видѣла тамъ и ко-

менданта; а потомъ явилась прямо къ генералу Богушевскому, спросить, когда пойдетъ транспортъ, и хлопотать, чтобы оставили полушубки и покрышки на телѣгахъ. Сначала онъ былъ очень нелюбезенъ, но потомъ, когда пришла его жена и, узнавъ, кто я, сказала, что знаетъ все мое семейство, и тогда оба стали очень любезны. Она говорила, что ея сестра ей писала, что я тутъ, и она очень желала меня видѣть. Я была очень рада, что могла подробно ему разсказать о несчастномъ положеніи транспорта въ Армянскомъ-Базарѣ. Они могутъ сказать въ извиненіе то, что на мѣсто 2.000 человѣкъ, которыхъ они могли бы помѣстить, у нихъ 5.000! Но я все надѣялась, что хоть что-нибудь да сдѣлаютъ, хоть котлы и солома будутъ.

Купивъ все, что̀ нужно для продолженія нашего пути, и намъ, и лошадямъ, мы поѣхали обѣдать къ сестрамъ, и, совсѣмъ приготовившись, ждали, когда мимо насъ пойдетъ транспортъ, чтобы присоединиться къ нему. Выѣхали мы только въ половинѣ шестого; совсѣмъ уже смеркалось, только новый мѣсяцъ едва свѣтилъ сквозь густыя тучи, а потомъ стало совершенно темно. Мы тащились нога за ногу—переходъ 27 верстъ—и пріѣхали во второмъ часу ночи. Разумѣется, тутъ не до ужина.

Только утромъ оглядѣлись, гдѣ мы находимся. Большое село Чаплинка, 300 домовъ, малороссійскія, чистенькія бѣленькія хатки, просторно, широкія лавки. Больные очень довольны, что они въ христіанскихъ домахъ, да и хозяева даютъ имъ и то, и другое; разговаривать можно; печки теплыя, солома есть.

Если не было ужина, зато обѣдъ рано готовъ, порціи говядины большія, водка хорошая; но мы все-таки поили ихъ чаемъ, кофеемъ, а тѣхъ, которые слабы—краснымъ виномъ. Хотя все это дѣлается въ одно время, но есть такіе проворные молодцы, что успѣваютъ всего напиться, да еще подвернутся, когда я раздаю крестики да рубашки. А мы очень смотримъ, чтобы два раза не поить одного, хотя нашъ транспортъ и небольшой, но все же 370 человѣкъ—вѣдь это цѣлая деревня.

Выѣхали мы въ часъ и только въ девять часовъ вечера доѣхали до Малой-Маячки, которая совсѣмъ не малое, а большое село. Я утромъ походила по хатамъ, чтобы посмотрѣть нашихъ больныхъ. Они очень рады, что имѣютъ отъ хозяевъ посуду, изъ кухни приносятъ обѣдъ на квартиру и они садятся вокругъ стола.

Въ этотъ день мы рано пріѣхали на ночлегъ въ Чернавку, 9-й этапъ отъ Симферополя. До Берислава переходъ былъ небольшой, но по пескамъ, и мы съ большимъ трудомъ тащились.

Всѣ больные, которые могли только идти, шли пѣшкомъ, изъ жалости къ лошадямъ, которыя едва передвигали ноги. И вотъ мы еле-еле подвигались подъ туманомъ и снѣжкомъ, такъ что и небо, и земля, и вода, и деревья, и люди, все было сѣро, все въ одномъ тонѣ.

Но, слава Богу, довольно рано мы достигли Берислава. Тамъ, на другое утро, могли напоить всѣхъ больныхъ въ послѣдній разъ чаемъ. Чай пожертвовалъ дистанціонный офицеръ, и намъ приготовили два котла и ведро кипятку.

Мы спѣшили выѣхать обратно, чтобы еще засвѣтло проѣхать пески, и при лунѣ, но тоже подъ облаками и туманомъ, доѣхали ночевать въ Черную-Долину, а на другой день вечеромъ добрались до Перекопа, гдѣ пробыли еще одинъ день; я обошла всѣ госпитали и пустилась въ Симферополь.

Когда я вернулась изъ Берислава, то нашла все приготовленнымъ для меня уже не въ Тарановской богадельнѣ, а въ домѣ общины, въ одной комнатѣ съ Е. А. Хитрово. Насъ раздѣляютъ ширмы, и у меня, и у нея по окошку, столъ, этажерка, три кресла. Это такая роскошь, отъ которой мы давно отвыкли. Я могла быть одна и писать письма не подъ несмолкаемый говоръ сестеръ! А писать было надо. Помню, какъ было мнѣ затруднительно объявить сестрѣ, что я не вернусь въ годовой срокъ и останусь еще.

Въ ноябрѣ кончался срокъ и 2-го отдѣленія. Изъ перваго осталось очень немного, да и изъ 2-го не больше: были и прежде уѣхавшія изъ него, и по нездоровью, и по другимъ причинамъ. Срокъ нашего 3-го отдѣленія кончался 10-го декабря. И я, и сестры моего отдѣленія, почти уже собирались уѣхать.

Хотя я очень привязалась къ общинѣ и къ нашему дѣлу, но какъ обмануть ожиданія сестры, которая считаетъ дни до моего возвращенія!

Въ это время Николай Ивановичъ совершенно предался занятіямъ по устройству общины, устройству службы сестеръ въ баракахъ и всего, что̀ касалось общины. Я помню, какъ я пришла спрашивать у него, что̀ онъ желаетъ,—чтобы я шла дежурить въ бараки, или опять ѣхала съ транспортомъ? Онъ мнѣ сказалъ, что очень радъ, что я пришла, и что ему надо со мной переговорить. И тутъ же прочиталъ всѣ измѣненія и перемѣны и всю реорганизацію, которую онъ хочетъ сдѣлать. И долго, долго мы съ нимъ говорили, а когда пришла Екатерина Александровна, то они опять (такъ какъ объ этомъ было говорено уже нѣсколько разъ) принялись приступать ко мнѣ вдвоемъ, говоря,

что они на меня надѣются, что невозможно въ эту минуту оставить общину. Я возражала и то, и другое, говорила, что я не нахожу себя способной имъ содѣйствовать. Тутъ Николай Ивановичъ сказалъ мнѣ:

— Чтò же вы хотите, чтобы я васъ въ глаза хвалилъ?

— Чтò вы это говорите!...—И я обѣщалась не уѣзжать въ срокъ, если мое присутствіе полезно, но не связывала себя никакими обѣтами.

Трудно было приняться за письмо къ сестрѣ. Письмо было очень длинно; много, много разговоровъ и разсужденій было въ немъ написано...

Такъ какъ бараки были наполнены больными, то дѣла у насъ тогда было много. Въ нихъ скромно начали такъ блестяще потомъ пройденную карьеру Сергѣй Петровичъ Боткинъ, какъ докторъ, и Елизавета Петровна Карцева, какъ сестра милосердія.

Въ общинѣ, все это время, Екатерина Александровна и Николай Ивановичъ много хлопотали о томъ, чтобы ввести разныя перемѣны, но какъ-то это плохо принималось. И вотъ было у насъ разъ совѣщаніе: Николай Ивановичъ, Екатерина Александровна, сестра Карцева, священникъ отецъ Арсеній и я. Много толковали объ устройствѣ общины, а потомъ былъ судъ надъ сестрою за одинъ проступокъ. Позвали обвиняемую и еще пять сестеръ. Имъ предложили рѣшить: сдѣлать ли провинившейся только выговоръ, или записать въ протоколъ. Подавали голоса, разумѣется, какъ водится, начиная съ меньшой. Ей былъ только сдѣланъ выговоръ по просьбѣ сестеръ, да и, по правдѣ, это такъ и слѣдовало. Я думаю, что она по своей простотѣ и не понимала, чтò сдѣлала. Но я вспомнила объ этомъ потому, что сестрамъ такой судъ не понравился, и я напрасно долго, долго толковала имъ, что такъ гораздо лучше, гораздо правильнѣе, чѣмъ зависѣть отъ одной, которая скорѣе можетъ быть несправедлива, можетъ имѣть досаду или быть особенно нерасположенной къ провинившейся. Но сколько я ни говорила до потери голоса, j'ai prêché dans le désert и никого не убѣдила... Почти всѣ предпочитали во всякомъ дѣлѣ деспотическое управленіе одной, хотя бы съ капризами и несправедливое—общему участію многихъ. Да, много надо времени, чтобы все устроилось какъ слѣдуетъ! Я съ сестрами дежурила въ баракахъ; но вотъ на одномъ дежурствѣ получила записку отъ Тарасова, что Николай Ивановичъ желаетъ, чтобы я догнала транспортъ, который уже выѣхалъ, потому что тамъ много ампутированныхъ. Было мнѣ это очень не по сердцу: ѣхать съ транспортомъ еще ничего, но

догонять... Да и выѣхать я сейчасъ не могла: надо было справить теплую одежду для сестеръ, добыть форейтора и пару лошадей, чтобы ѣхать пятерикомъ,—грязь невылазная.

Только 22-го ноября, утромъ, мы могли выѣхать. И всегда довольно безобразный экипажъ и упряжь—на этотъ разъ были еще безобразнѣе; у насъ же внутри тарантаса уложены рубашки, чулки, рукавицы, самоваръ, чайники и пр. Со мной на этотъ разъ ѣдутъ только двѣ сестры. Путь дальній. Если мы догонимъ транспортъ, то поѣдемъ съ нимъ до Екатеринослава; это 460 верстъ; а такъ какъ мы не будемъ ѣхать прямой дорогой, а по деревнямъ, то выйдетъ и больше. Въ тарантасъ заложено пять лошадей, три изъ Карловки и кучеръ оттуда же, хохолъ Осипъ Бирюкъ, въ своей свиткѣ, и форейторъ на фурштадтскихъ лошадяхъ, въ военной шинели и фуражкѣ, съ ужасно глупымъ лицомъ, неуклюжій и плохо управлявшій лошадьми; а сзади тарантаса—мѣшки съ угольями, щепками, овсомъ, и надъ всѣмъ этимъ еще огромный пукъ сѣна съ бурьяномъ!—да и можетъ ли быть иначе,—вѣдь сѣно казенное!

Погода сѣрая, мрачная, дождь льетъ, и намъ положили доску съ верхней ступеньки лѣстницы на верхнюю подножку тарантаса.

Простились мы очень нѣжно съ Екатериной Александровной. Жаль мнѣ было съ нею разстаться, такъ хорошо мнѣ съ нею жилось но не думала я, крича ей изъ тарантаса: „До свиданія“!—что этого свиданія никогда не будетъ, и что я вижу ее въ послѣдній разъ!..

И такъ мы ѣхали или, лучше сказать, съ трудомъ тащились по грязи; а къ вечеру, когда стало темнѣть, все становилось холоднѣе и холоднѣе, точно дождь замерзалъ налету; грязь прилипала къ колесамъ, лошади останавливались на каждомъ шагу и наконецъ совсѣмъ стали. Тарантасъ—ни съ мѣста, точно пустилъ корни. А кругомъ—степь, ночь, холодъ! Стоимъ мы такъ часъ,—темно и пусто. И еще проходитъ больше часа,—и никто не ѣдетъ, все тихо... Но, вотъ, что-то скрипнуло... Ближе... слышно, что это немазанныя татарскія маджары, но чего ждать отъ татаръ! Вотъ слышны голоса. Это не татарскій говоръ. Какое счастье! Это ведутъ плѣнныхъ французовъ изъ Керчи въ Одессу. Я прошу офицера позволить имъ намъ помочь. Онъ только затрудняется тѣмъ, какъ имъ растолковать, что̀ намъ надо. А я сейчасъ же заговорила съ ними по-французски, и они съ удовольствіемъ подбѣжали къ тарантасу, а мы усѣлись въ него. И вотъ,—крики по-французски, по-татарски, по-русски, по-мало-

россійски, и вмѣстѣ съ тѣмъ усилія 20-ти слишкомъ рукъ, которыя поднимаютъ и пихаютъ тарантасъ, заставляютъ лошадей идти впередъ. Но не надолго, опять стали, и опять намъ помогаютъ, а одного изъ нихъ, который всѣми управляетъ и черезъ меня учитъ нашего несчастнаго форейтора, какъ ему ладить и управлять лошадьми, я занимаю разговоромъ. Узнавъ, что онъ былъ chasseur d'Afrique и 12 лѣтъ провелъ въ Африкѣ, я вспоминаю, что читала въ „Revue des deux Mondes" о зефирахъ и о „Gérard, le grand chasseur de lions", и стала его разспрашивать о нихъ. Онъ былъ очень радъ встрѣчѣ съ нами и долго насъ провожалъ; а такъ какъ прежде чѣмъ быть солдатомъ въ Африкѣ, онъ былъ кондукторомъ дилижансовъ, то могъ давать хорошіе и полезные совѣты нашимъ возницамъ.

23-го—мы ѣхали потихоньку и безъ всякихъ приключеній. Съ 23-го на 24-е—цѣлый день лилъ дождь. Чтò за ужасная грязь! Всѣ на станціи сидѣли со свѣчами. Я вышла въ корридоръ; станціонный смотритель стоитъ на вытяжку противъ двери комнаты, которую занимаетъ генералъ Ушаковъ.

— А куда ѣдетъ генералъ?—спрашиваю я его:—въ отпускъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Его превосходительство изволятъ ѣхать осматривать госпитали въ Перекопѣ и Бериславѣ.

— А, госпитали!—И съ этими словами я быстро отворяю двери и вхожу въ комнату генерала, а смотритель остается съ разинутымъ ртомъ отъ удивленія, что его превосходительство такъ хорошо принялъ сестру. Неважное обстоятельство—выпить стаканъ жидкаго чаю съ генераломъ—вывело насъ въ этотъ день изъ ужаснаго положенія.

Разсвѣло. Генералъ уѣхалъ, и адъютанты тоже. И наши лошади весело и бойко побѣжали по дорогѣ; передъ нами небольшая балочка, но она вся наполнена водой. Въѣхалъ туда тарантасъ очень бойко, но на срединѣ лошади упрямятся, останавливаются, прыгаютъ на одномъ мѣстѣ, бьютъ задними ногами, рвутъ постромки, гужи; дуга падаетъ въ воду, а вода такъ глубока и при сильномъ вѣтрѣ такъ волнуется, что часто перебѣгаетъ черезъ грядки тарантаса.

Бѣдный нашъ кучеръ Осипъ, съ возгласомъ: „За чтò Господь меня караетъ"!—прыгаетъ въ воду и по поясъ въ водѣ завязываетъ постромки и поправляетъ дугу. На наше счастье, къ намъ на встрѣчу ѣдетъ легонькій экипажъ и счастливо переѣзжаетъ черезъ воду. Мы просимъ сказать смотрителю, чтобы онъ прислалъ ямщиковъ намъ помочь, и вотъ чтò значитъ напиться чаю съ его превосходительствомъ: не только смотритель присы-

лаетъ ямщиковъ, но самъ является верхомъ, хлопочетъ вокругъ экипажа, закладываетъ почтовыхъ лошадей на уносъ, и былъ до того снисходителенъ, что далъ лишнюю пару до слѣдующей станціи и ничего не хотѣлъ взять, кромѣ законныхъ прогоновъ. Мы очень ему были благодарны и спокойно и хорошо доѣхали до слѣдующей станціи на семерикѣ. Смотритель же той станціи, на которую мы пріѣхали, никакъ не хотѣлъ дать намъ опять лошадей, и хотя мы пріѣхали рано, но дни короткіе, лошади измучены, и надо ихъ кормить по крайней мѣрѣ три часа, а пускаться въ путь на ночь невозможно.

Грустно и тяжело было сидѣть тутъ съ мучительной мыслью о транспортѣ! Онъ долженъ сегодня пройти мимо этой станціи въ Армянскій-Базаръ, а завтра, можетъ быть, поѣдетъ и дальше! Что̀ же мы тогда сдѣлаемъ? И вотъ сидимъ мы съ сестрой Никитиной и печально объ этомъ разговариваемъ. Мы обѣ съ ней въ этотъ день были именинницы, и грустно проводили этотъ день. Сестра Антипова лежитъ, у нея начинается тифъ, а мы сидимъ у окошка и смотримъ на дорогу. Вотъ показалось нѣсколько неуклюжихъ закрытыхъ телѣгъ. Вотъ и офицеръ. Я быстро выбѣжала на дорогу и спрашиваю:—Это какой транспортъ?

— Ахъ, сестрица, какъ мы рады!

Тутъ я увидала, что это все юнкера. — Нѣтъ, господа, вы не нашъ транспортъ. Нашъ выѣхалъ 19-го.

— А мы выѣхали 15-го, и съ тѣхъ поръ все бѣдствуемъ.

И вотъ ихъ человѣкъ десять входятъ со мной на станцію, и тутъ я увидала, что половина изъ нихъ—подвыпивши; они начинаютъ ссориться, браниться; я стала стараться ихъ остановить, угрожала, что все это будетъ извѣстно генералу Богушевскому, какъ они на станціи срамятъ русскій мундиръ. Но они не унимаются, а одинъ высокій юнкеръ, съ георгіевскимъ крестомъ на шинели, начинаетъ драку,—и пошла такая кутерьма, что мы схватили свои мѣшки и убѣжали въ комнату смотрителя. Но, однако, шумъ скоро прекратился, и одинъ изъ юнкеровъ, не участвовавшій въ этомъ побоищѣ, приходилъ умолять насъ простить его товарищей. Я ему говорю, что мы ихъ прощаемъ, и въ доказательство, что не будемъ жаловаться, не спрашиваемъ ихъ фамилій. Является потомъ другой, а наконецъ и тотъ, который началъ схватку, проситъ прощенья, и въ знакъ прощенья проситъ дать ему поцѣловать руку. Я поспѣшила исполнить его желаніе, лишь бы только онъ поскорѣе ушелъ. Тутъ началась истинная комедія. Онъ проситъ и другую сестру, чтобы она дала ему поцѣловать ея „прелестную ручку“, а она прячетъ руки и

говоритъ, что она не архіерей, чтобъ у нея руки цѣловали (она изъ духовнаго званія), такъ что мнѣ, наконецъ, пришлось ей почти приказать дать руку, только чтобъ онъ ушелъ.

Наконецъ они уѣхали, и мы опять пошли въ комнату для проѣзжающихъ, и затѣмъ проѣзжіе мѣнялись одинъ за другимъ. Вотъ ополченецъ изъ орловской губерніи кричитъ и горячится точно въ виду непріятеля, а вотъ другой жалуется, что слишкомъ скоро заложили, не дали ни согрѣться, ни отдохнуть (у него курьерская подорожная), а третій жалуется, что его цѣлыя сутки держатъ на станціи (у него подорожная частная).

Ночевать насъ позвали въ маленькій домикъ—возлѣ станціи, гдѣ мы всегда пили чай; намъ тамъ было очень покойно; оставалась одна еврейка съ дѣвочкой, а евреи, содержатели станціи, такъ и проплутали всю ночь до утра, несмотря на то, что у нихъ былъ лучшій ямщикъ и отъ Армянскаго-Базара всего 18 верстъ,—такова была темнота и грязь.

Когда я встала и взглянула въ окошко, мнѣ вспомнились слова Наполеона, „qu'il a trouvé un cinquième élément en Pologne — la boue". И мнѣ такъ и представилось, что наши лошади станутъ на этихъ 24-хъ верстахъ, которыя намъ надо проѣхать до Перекопа, а потому я рѣшилась лучше ѣхать на волахъ, и послала къ становому свое открытое предписаніе отъ губернатора, графа Адлерберга, съ просьбой двухъ паръ воловъ. Привели пару какихъ-то замученныхъ телятъ. Заложили. Еле-еле они оттащили тарантасъ отъ станціи при крикахъ татарина:—айда! и Осипа:—цобъ, цо-объ! И волы идутъ-нейдутъ, такъ что чувствуешь, что они не стоятъ, но и непримѣтно, чтобы мы подвигались. Такъ ѣхать 24 версты невозможно: мы заморозимъ больную сестру. И вотъ мы рѣшаемся отпустить воловъ и заложить своихъ лошадей. Авось мы и доѣдемъ. Но съ какимъ страхомъ мы глядимъ на всякое мѣсто, покрытое водой! Всякая большая лужа представляется намъ мѣстомъ нашего постояннаго пребыванія. Вотъ лощина вокругъ колодцевъ—цѣлое море! Въѣхали туда; широко и глубоко, но, слава Богу, земля подъ водою твердая. Наконецъ, и Армянскій-Базаръ; въ немъ грязь невылазная, но проѣхали благополучно, а тутъ опять степь, и ѣхать лучше.

Вотъ и Перекопъ. У заставы Соляного Правленья госпиталь № 8. Тутъ стоятъ транспортныя телѣги. Ну, если это нашъ транспортъ и онъ ѣдетъ сегодня же въ Чаплинку! Какъ мы поѣдемъ за нимъ! Мы проѣхали 24 версты, а туда—еще 27!..

Я увидала доктора на крыльцѣ, выскочила изъ тарантаса

прямо въ грязь и, не поклонившись ему, спрашиваю:—Когда вы выѣхали изъ Симферополя? Есть съ вами ампутированные?

— Мы выѣхали изъ Симферополя 18-го; съ нами нѣтъ раненыхъ.

Слава Богу! это не нашъ транспортъ.

— А есть еще транспортъ въ Армянскомъ-Базарѣ?

— Есть, только тотъ, который выѣхалъ изъ Симферополя 15-го.

Итакъ, мы, успокоившись, поѣхали къ бѣленькому домику сестеръ, которыя насъ радушно и весело встрѣтили.

Самое утѣшительное было то, что мы могли уложить спокойно больную сестру и позвать къ ней доктора.

Въ это время въ Перекопѣ старшей сестрой была очень хорошая сестра изъ нашего третьяго отдѣленія, Александра Ивановна Травина; но я тотчасъ замѣтила, что одесскія сестры, которыя были здѣсь прежде, какъ-то отъ нея отстранялись. Это очень грустно, а главное то грустно, что это почти вездѣ такъ.

Чтобы узнать о судьбѣ нашего транспорта, я немедленно послѣ обѣда, съ сестрой Травиной, поѣхала къ генералу Богушевскому. Но и онъ тоже ничего не знаетъ о судьбѣ нашего транспорта. На другой день, утромъ, въ телѣгѣ на одной лошадкѣ, по страшной грязи, мы съ сестрой Травиной поѣхали въ Армянскій-Базаръ. Тамъ только нашли транспортъ, вышедшій 15-го, а о нашемъ—ни слуху, ни духу. Наконецъ, 27-го, пришелъ писарь изъ конторы съ бумагой, только-что полученной изъ Симферополя, что транспортъ, состоящій изъ 450 человѣкъ, выѣхалъ 19-го, долженъ быть 24-го въ Перекопѣ, а извѣщеніе объ этомъ получено 27-го! Какова распорядительность!.. Вечеромъ этого же дня я поѣхала къ коменданту, и тамъ, наконецъ, узнала, что нашъ транспортъ—въ Армянскомъ-Базарѣ. Много труда было по узкимъ и топкимъ отъ грязи переулочкамъ отыскать квартиру доктора и офицера.

Наконецъ, мы ихъ отыскали и прямо сказали имъ, что, по приказанію Н. Ив. Пирогова, мы должны имъ сопутствовать. Они отвѣчали, что очень рады, что авось ихъ больные будутъ смирнѣе, такъ какъ всѣ солдаты очень уважаютъ сестеръ. И тутъ офицеръ сталъ разсказывать, какъ они все время бѣдствовали съ подводчиками, и, кажется, всю дорогу будетъ такъ продолжаться; да оно почти такъ и было. Потомъ я разговорилась съ докторомъ и наконецъ спрашиваю у него:—Съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?

— Я Алекс. Алекс. Х...

Я не могла удержаться отъ восклицанія, у меня сердце замерло.

— Вы знаете мою фамилію?

— Да, вы были въ Боговутскомъ госпиталѣ.

— А вы слышали о сухой корпіи? Это—моя метода. Цынга оттого у насъ развилась, что это было ужасное помѣщеніе въ котàрахъ (т.-е. овчарняхъ) безъ свѣта и воздуха.

Потомъ онъ предложилъ мнѣ съѣздить съ нимъ посмотрѣть ампутированныхъ. Слава Богу: если всѣ больные такіе же, то есть надежда, что они всѣ благополучно доѣдутъ, но, увы! —у многихъ раны портились, особливо при сильныхъ холодахъ. На другой день транспортъ долженъ былъ выступить. Я просила офицера или доктора заѣхать къ намъ, когда они поѣдутъ черезъ Перекопъ, чтобы мы могли къ нимъ присоединиться.

Боговутскій госпиталь, который меня такъ испугалъ, въ это время былъ уже закрытъ. Но больные разсказывали мнѣ, что иныхъ докторовъ они и въ глаза не видали, а одинъ носилъ съ собой 10 аршинъ бинта и, подходя къ раненому, говорилъ: „Я бы тебя перевязалъ имъ, да ты не стоишь, ты пропьешь". Такъ и уѣхалъ съ этимъ бинтомъ. Больные хотѣли писать жалобу государю. Все это я слышала, но за вѣрность не могу поручиться.

Какъ только мы пообѣдали, тотчасъ все уложили и стали ждать проѣзда транспорта. И что̀ это было за безконечное жданье! Совсѣмъ стемнѣло, а транспорта все нѣтъ и нѣтъ.

Наконецъ, только въ половинѣ десятаго, вошелъ къ намъ докторъ и сказалъ, что транспортъ прошелъ Перекопъ, а онъ заѣзжалъ за лекарствами и ждетъ теперь ихъ. Онъ такъ перезябъ, что пришлось его напоить чаемъ. Нашъ тарантасъ сейчасъ принялись закладывать при фонаряхъ, и наконецъ въ одиннадцатомъ часу мы выѣхали.

Насъ поѣхало только двѣ. Больной сестрѣ было лучше, но она еще лежала въ постели, а въ Екатеринославъ должны были къ намъ пріѣхать изъ Петербурга десять сестеръ.

Въ это время между Перекопомъ и Бериславомъ вмѣсто прежнихъ 4-хъ этаповъ было ихъ устроено 8. Шло ужасно много транспортовъ, и транспорты пропускали иные этапы и шли въ тѣ, которые были свободны.

На этотъ разъ мы остановились у самаго близкаго, маленькой деревни Любомировки, и то мы до нея добрались да-

леко за̀ полночь. Такъ было темно, что подводчики по замерзлой землѣ ощупью отыскивали дорогу. Каково это больнымъ!

Только утромъ я пошла посмотрѣть больныхъ. У нашего крыльца стоялъ офицеръ; тутъ же собрались наши подводчики да еще дворники изъ Армянска—требовать денегъ за сѣно, за овесъ. Брань, крикъ ужасный! Я пошла дальше. Вдругъ обгоняетъ меня солдатъ на деревяшкѣ и говоритъ мнѣ:—А когда же мы въ Москву?—Въ Москву? Такъ ты меня знаешь? — Да, какже. Я изъ Кузминокъ кн. С. М. Голицына.—Ахъ, Андрей Куликовъ! Очень рада; не именинникъ ли ты сегодня? — Да, именинникъ. Да вотъ, жаль, и молебна-то нельзя отслужить.

Я подошла къ нѣсколькимъ солдатамъ. Одинъ изъ нихъ безъ руки весело кричитъ:—Здравствуйте, Катерина Михайловна! А гдѣ моя маменька Борщевская? (онъ такъ звалъ сестру Борщевскую отъ того, что она ему дала крестъ).

А другой говоритъ:—Вы меня не узнаете? Я Лукьянъ Чепчухъ. Мои семь рублей были у васъ на Николаевской, и вы уже съ Бельбека прислали мнѣ ихъ въ Сѣверный лагерь.

Потомъ я вошла въ избу, биткомъ набитую нашими больными. Я принесла чулки, вязаныя варежки, и вотъ со всѣхъ сторонъ начали кричать:—Дай, матушка, одинъ чулокъ, у меня вѣдь только одна нога!—А мнѣ на обѣ, да у меня одна рука, въ портянки въ два часа не обулся. — Дай мнѣ на правую руку!—Вотъ кстати, а мнѣ на лѣвую!—И мнѣ на лѣвую!—И мнѣ тоже!

— Да неужто не найдется кому на правую? — кричитъ одинъ, смѣясь.—У кого правая рука? Говорите!

Раздавъ безрукимъ, я пошла отыскивать по телѣгамъ безногихъ. Въ нашемъ транспортѣ 80 ампутированныхъ и 20 со сложными переломами...

То по грязи, то по замерзлой дорогѣ, 3-го, мы доѣхали до Берислава; но не только въ этомъ маленькомъ городкѣ, но подъѣзжая къ нему, въ степи, было тѣсно: два транспорта, кадры полковъ второго корпуса. Тутъ и полуфурки, и маджары, и дилижансы, и таратайки офицеровъ, и все это ѣдетъ и на лошадяхъ, и на волахъ; ѣдутъ въ пять, въ шесть рядовъ, а мокрый песокъ такъ замерзъ, что дорога, всегда тяжелая, на этотъ разъ была прекрасная. Съ трудомъ, на измученныхъ лошадяхъ, подымались мы на крутую и безконечную гору Берислава. Я тотчасъ пошла въ госпиталь узнать, не тутъ ли Николай Ивановичъ. Но его не было. Потомъ—на кухню, но вотъ горе! Намъ объявили, что для нашего транспорта не готовятъ ужина; кое-какъ размѣстятъ

людей, но сестрамъ нѣтъ квартиры,—а морозъ очень большой. Въ ту же минуту подходитъ къ намъ плацъ-адъютантъ Берислава и очень любезно предлагаетъ намъ свою собственную квартиру. Я помню, какъ мы были благодарны г. Петровскому и прекрасно отдохнули въ его теплой и чистой комнаткѣ, тѣмъ болѣе, что и насчетъ больныхъ были спокойны. Видѣла доктора бериславскаго госпиталя, и онъ мнѣ сказалъ, что всѣ 30 человѣкъ слабыхъ нашего транспорта приняты уже имъ въ больницу.

Довольно поздно выѣхали мы изъ Берислава, но переходъ былъ короткій, всего 10 верстъ до нѣмецкой колоніи. Напрасно хвалили мнѣ нѣмецкія колоніи: ничего я не нашла хорошаго,—ни особенной опрятности, ни чистоты; дома довольно большіе, но зато народу въ нихъ много, дѣтей куча и преплаксивыя. То ли дѣло маленькія бѣленькія хатки и всегда особая—для сестеръ.

Ночь была пребезконечная и пребезпокойная. На разсвѣтѣ мы пошли посѣтить больныхъ по домамъ. Тутъ уже нѣтъ этаповъ, а людямъ даютъ на руки сырую говядину и крупы, а они сами себѣ готовятъ. Иные этимъ очень довольны, другіе ропщутъ.

Выѣхали мы въ 10 часовъ и опять оба транспорта вмѣстѣ. Что̀ за ужасная была дорога! — вся покрыта одной сплошной, до-не́льзя скользкой льдиной, и лошади безпрестанно падаютъ; такъ и видишь, какъ шесть, десять и даже больше лошадей лежатъ распростертыя, и усиленные удары и помощь нѣсколькихъ людей заставляютъ ихъ съ трудомъ подняться на ноги. И по этой-то узкой и скользкой дорогѣ надо то спускаться, то подниматься на гору. Мы безпрестанно должны были отстегивать уносныхъ лошадей, чтобы нашъ неловкій форейторъ не попалъ подъ нихъ.

И вотъ, такимъ образомъ и мы, и транспортъ бьемся, до 4-хъ часовъ. Начинаетъ смеркаться, но утѣшаютъ: всего, говорятъ, осталось 5 верстъ. Однако опять бѣда: гора, спускъ прекрутой и предлинный, съ косогоромъ и размоинами. Транспортъ —въ самомъ жалкомъ положеніи. Вотъ одна подвода попала въ рытвину, и подводчикъ не знаетъ, какъ ее оттуда вытащить. Вотъ другой отпрягъ лошадь и самъ везетъ свою телѣгу; а этотъ тормазитъ за два колеса свою и осторожно спускаетъ; а тутъ лошадь сѣла на заднія ноги и опускается, скользя по горѣ. А тамъ дальше телѣга на парѣ: коренная бѣжитъ и тащитъ пристяжную, которая давно упала; всѣ больные, которые могли

идти, бредутъ пѣшкомъ. Мы тоже вышли. Осипъ, осмотрѣвъ дорогу, бѣжитъ и кричитъ:—Погоняй спускъ! Что̀ мене робить? А есть другой шляхъ, чтобъ объѣхать?—Не ма̀.—Ну такъ надо какъ-нибудь спустить тарантасъ.

Я зову казака, служителей и какого-то мужика, который, къ нашему счастью, стоялъ тутъ съ веревками. Докторъ тоже пришелъ. Отложили всѣхъ лошадей, кромѣ коренной; всѣ четыре колеса подтормазили, и пять человѣкъ держатъ тарантасъ, а лошадь тоже не шагаетъ, а съѣзжаетъ на заднихъ ногахъ. Но, слава Богу, всѣ спустились благополучно. Опять бѣда—ручей. Сначала проѣзжали его по льду, но потомъ его проломили, а подъемъ отъ ручья крутой. Мы обошли дальше, чтобы пройти по льду. Поднялись, сѣли въ экипажъ—опять пригорокъ. Лошади еле насъ тащатъ.

Слава Богу, вотъ деревня; но это не Мѣловая, куда мы ѣдемъ, —до нея еще верста. Нѣкоторые подводчики и больные бѣгутъ къ офицеру, прося его остаться тутъ, такъ какъ лошади совершенно пристали. Опять горки и косогоры, но, слава Богу, доѣхали.

Сотскій проводилъ насъ на квартиру, и вотъ, выѣхавъ въ 10 часовъ, мы только въ 8 часовъ стали на ночлегъ. Хозяинъ только удивляется, какъ мы могли проѣхать по этой дорогѣ, да еще по гололедицѣ. И должна я признаться, къ своему стыду, что въ этотъ вечеръ я не въ состояніи была идти къ больнымъ по избамъ.

На другой день опять то же, только переходъ былъ въ 18 верстъ, и мы пріѣхали въ 5 часовъ. Тутъ была дневка. Боже мой, какъ мучительны, какъ томительны дневки! Ужъ я не говорю о томъ, что на этотъ разъ мы стояли въ небольшой хаткѣ съ хозяевами, что тутъ же хозяйка варила кушанье, да тутъ же было еще два артиллериста, да нашъ кучеръ и форейторъ спали на полу. Но вотъ что̀ было ужасно: больные помѣщены тѣсно; кромѣ того, почти во всякой хатѣ по нѣскольку человѣкъ больныхъ хозяевъ. Грустно, тяжело! Мы пошли ходить изъ хаты въ хату. Скользко, холодно! (Я потомъ узнала, что въ этотъ день было 26^0 мороза). Въ одной хатѣ больные жалуются, что померзли, а въ другой—что отбились отъ своего десятка и не знаютъ, какъ бы пообѣдать.

Тутъ встрѣтился намъ подводчикъ, рослый мужчина; онъ горько плачетъ: у него изъ восьми лошадей осталось только четыре.

Взошли мы въ хату, гдѣ собрались самые слабые. Глядя на

нихъ, ясно было видно, что врядъ ли мы довеземъ ихъ до слѣдующей станціи. Ужасно видѣть умирающаго и на постели, но знать, что въ послѣднія минуты его будутъ трясти на подводѣ въ морозъ — страшная, ужасная необходимость! Умершихъ мы можемъ оставлять, но умирающихъ должны везти. Сердце ноетъ, какъ объ этомъ подумаешь, и молишь Бога, чтобы скорѣй до отъѣзда прекратились ихъ страданія!..

Пошли мы дальше. Нѣсколько подрядчиковъ бѣгаютъ съ 50-рублевой бумажкой, которую имъ далъ офицеръ, и никакъ не могутъ ее размѣнять. Но что̀ же дѣлать? Офицерамъ всегда даютъ крупныя ассигнаціи, и они не знаютъ потомъ, какъ и разсчитываться.

А тутъ старикъ подводчикъ стонетъ и плачетъ. Онъ намъ говоритъ, рыдая:—Со вчерашняго дня я не знаю, гдѣ мой сынъ. Можетъ, онъ замерзъ эту ночь въ степи.

Морозъ ужасный, земля потрескалась. Но, слава Богу, сынъ его оказался живъ и здоровъ.

Наконецъ, пошли мы къ доктору и офицеру. Первый въ горѣ, говоритъ намъ:—Мы всѣхъ людей переморозимъ!

А офицеръ совсѣмъ растерялся:—Что̀ я буду дѣлать,—говоритъ онъ:—у меня хлѣба для людей только на одинъ день. И лошади нейдутъ, надо ихъ перековать, а у подводчиковъ не достанетъ денегъ, если будемъ дневать часто. Боже мой! лучше бы я лежалъ въ жестокой горячкѣ, чѣмъ быть съ этимъ транспортомъ! Мы вѣдь не доѣдемъ до Екатеринослава!—А у самого слезы на глазахъ.

— Полноте такъ унывать! Авось Богъ поможетъ!—А я сама готова была расплакаться.

Потомъ мы опять идемъ по больнымъ, и такъ проходитъ длинный, безконечный день. Хоть то хорошо, что люди довольны тѣмъ, что была дневка.

На другой день легкая морозная погода, и послѣ долгихъ толковъ рѣшили, что можно доѣхать до Золотой-Балки. Транспортъ выѣхалъ, а мы остались, чтобы перековать лошадей, и то только могли подковать одну.

Какъ поднялись мы въ гору, такъ и ужаснулись: такой былъ холодъ и вѣтеръ и тоже мученье, — по льду падаютъ лошади. Хотя мы выѣхали гораздо позднѣе, но мы всѣхъ обогнали. Транспортъ растянулся на всѣ 24 версты; такъ и видишь, что то у одной, то у двухъ или трехъ подводъ упали лошади и лежатъ. И что̀ еще мучительнѣе: мы не можемъ послать нашего кучера имъ помогать; онъ совсѣмъ измучился, подымая своихъ лошадей;

а за форейтора сердце замираетъ, такъ часто подъ нимъ падаетъ лошадь. Мѣсяцъ уже давно взошелъ, когда, наконецъ, мы увидали церковь. Но спускъ съ горы былъ опять очень трудный. Мы съ сестрой пошли пѣшкомъ, и только съ помощью нашихъ безрукихъ больныхъ, которые тоже предпочли идти пѣшкомъ, мы благополучно спустились по этой скользкой горѣ. Хатки въ деревнѣ маленькія, тѣсныя, и я прямо отправилась къ священнику, прося его пустить насъ переночевать. И онъ, и жена его, приняли насъ очень радушно, только совѣстились, что у нихъ очень холодно.

Мы пили съ ними чай, разговаривали съ священникомъ о Державинѣ, о Глинкѣ, объ Авдотьѣ Павловнѣ Глинкѣ, которою онъ восхищается; справлялся о Погодинѣ, о Шевыревѣ. Въ этихъ разговорахъ я какъ-то морально отдохнула, а потомъ и физически. Хотя было и холодно и наше все бѣлье сильно промерзло въ нашихъ мѣшкахъ, но мы были однѣ и могли лечь по-европейски, а не по-азіатски, какъ всѣ эти дни, т.-е. въ полномъ одѣяніи.

Подъ шубой я проспала и отдохнула прекрасно, и встала совсѣмъ здорова, несмотря на то, что вода, которая стояла въ стаканѣ возлѣ меня, совсѣмъ замерзла. Сестра улеглась около самой печки и отъ этого угорѣла.

Только утромъ собрались всѣ больные. Опять пошла я съ докторомъ по больнымъ. Право, сердце надрывается! Въ этотъ день у насъ умерло трое, да четвертый—подводчикъ. Дѣлать тутъ опять дневку было невозможно. Рѣшились ѣхать только 7 верстъ до Осокоровки,—авось туда всѣ съѣдутся. И вотъ транспортъ съѣзжаетъ на Днѣпръ, ледъ крѣпкій, славный, дорога гладкая и не скользкая.

Какіе живописные берега! Камни, скалы, деревья, бѣленькіе домики по склонамъ, а иные лѣпятся къ скаламъ. Какъ славно скакалъ нашъ пятерикъ мимо двухъ большихъ мачтовыхъ барокъ!

Въ этотъ день всѣ доѣхали благополучно. Офицеръ досталъ хлѣба; мы помѣстились въ порядочной, чистенькой хаткѣ. Въ переднемъ углу много образовъ, и между ними Madonna della segiola подъ именемъ Богородицы Трехъ радостей.

Тутъ была только одна старушка, которая сидѣла, молчала и глядѣла на насъ; а когда я ей стала говорить, что же она не спитъ, она отвѣчала: „Дайте мене васъ побачить“.

Это—имѣніе кн. Воронцова, и, слава Богу, народъ тутъ живетъ хорошо; а то страдаешь, глядя на больныхъ, да и на хозяевъ,

которые шесть дней ходятъ на панщину. И что̀ это за тяжелая у нихъ жизнь! Боже мой, сколько страданья вездѣ и всѣмъ!..

Утромъ мы разглядѣли, какое хорошее мѣстоположеніе этой небольшой деревни. По скату горы большіе деревья, сады и плавни Днѣпра, который тутъ образуетъ цѣлый заливъ.

А наша старушка уже у печки, печетъ пампушки для своего правнука, который босыми ножками бѣгаетъ по холодному земляному полу.

Вотъ вошелъ сѣдой старикъ; борода и волосы его покрыты инеемъ. Онъ сѣлъ и сталъ развязывать ремешки, которыми къ его ногамъ привязаны подковы. Только-что онъ вошелъ, старушка принялась бранить его: „Якій дурень! А что если-бъ тебя силой посылали, ты бы говорилъ: старъ я, слабъ, гдѣ мнѣ! Вотъ ужъ можно сказать: охота пуще неволи! Прости Господи, точно не въ умѣ“!

— А гдѣ же ты былъ, дѣдушка?—спрашиваю я.

— Да на охотѣ, матушка, всю ночь въ полѣ.

— Въ этотъ морозъ!

— Такъ что-жъ, ничего. Только, жаль, лисичка ушла, а зайчика поймалъ.

Старушка опять принимается его бранить; онъ—ея мужъ, прадѣдъ мальчика.

— А сколько ему лѣтъ?—спрашиваю я.

— Да, вотъ, мнѣ семьдесятъ-семь, а онъ годомъ меня старше.

Каковъ старикъ! И онъ давно не ѣстъ мяса, а тутъ жаловался только, что глаза горятъ.

Было у меня все это время сильное, пламенное желаніе: 10-го декабря—день, въ который я надѣла крестъ, годъ тому назадъ,—быть въ церкви и отслужить благодарственный молебенъ. Я никакъ не надѣялась, что это желаніе исполнится, но рѣшили, что по такому холоду и по такой скользкой дорогѣ надо дѣлать маленькіе переходы.

До села Марьина, гдѣ былъ назначенъ нашъ ночлегъ, надо было ѣхать черезъ Новую-Воронцовку, гдѣ мы встрѣчали новый годъ. Итакъ я рѣшилась заѣхать къ управляющему Солнцеву. Насъ встрѣтили такъ же радушно, какъ и тогда, но вотъ что̀ меня очень огорчило: три часа до нашего пріѣзда проѣхалъ Николай Ивановичъ.

Вотъ еслибъ я имѣла малодушіе, вмѣсто того, чтобы оставаться въ Осокоровкѣ, уѣхать къ Аннѣ Давыдовнѣ Солнцевой, чтобъ лучше отдохнуть, я бы его видѣла; а какъ мнѣ это было нужно!

Мы отправили своего вѣрнаго Осипа въ Марьино и оста-

лись обѣдать, а послѣ обѣда, вмѣстѣ съ Анной Давыдовной, въ большихъ саняхъ четверкой, по-городски, съ форейторомъ и сзади слуга, мы поѣхали въ церковь.

Какъ мнѣ ясно и теперь видится эта маленькая церковь безъ купола и колокольни, а надъ тесовой крышей только крестъ блеститъ розовымъ сіяніемъ заката... Когда мы вошли, шла вечерня. Потомъ я просила священника отслужить благодарственный молебенъ. Какъ я молилась, какъ благодарила Господа за то, что могла хоть не лепту, а милліонную часть лепты вложить въ великое общее дѣло! Какъ я просила Бога простить мнѣ все, что̀ я сдѣлала въ продолженіе этого года противъ даннаго мной обѣта, благодарила за свои силы, за свое здоровье!..

Анна Давыдовна Солнцева довезла насъ до священника, гдѣ мы ночевали очень покойно. И на другой день мы не спѣшили, пообѣдали у него. Переходъ былъ всего семь верстъ до Грушовки, имѣнія барона Штиглица. Душа отдыхаетъ въ такомъ имѣніи. Хаты славныя; воловъ, коровъ, овецъ, и особливо свиней—бездна! Куры, утки, гуси—во всякомъ дворѣ. Видно, что крестьянамъ жить хорошо, что объ нихъ есть попеченіе. Больница, докторъ и всѣ пособія. Мы очень рано пріѣхали, а вечеромъ я пошла въ домъ управителя; тамъ собралась большая компанія, больше нѣмецкая, но хорошо говорящая по-русски. Они съ большимъ любопытствомъ разспрашивали про Севастополь, а мнѣ показывали изданіе Тимме съ портретомъ Павла Степановича Нахимова.

Я вспомнила, что̀ мнѣ разсказывали про этотъ портретъ: когда Тимме хотѣлъ нарисовать П. С. Нахимова, то онъ сказалъ:—„Зачѣмъ? За то, что я исполняю свой долгъ-съ? За это нечего-съ. Это пусть съ Кошки (Кошка—извѣстный тогда казакъ) да съ Асланбекова (первый севастопольскій красавецъ) рисуютъ портреты, а съ меня не нужно-съ“.

А когда ему показали его портретъ, нарисованный Тимме въ церкви, то онъ сказалъ: „Да это-съ просто разбой-съ! Если-бъ я зналъ-съ, велѣлъ бы его вывести-съ! Ну, а теперь Богъ съ нимъ, отдайте ему, если нравится, а мнѣ не нужно-съ“!

Хотя у насъ была дневка, но мы встали со свѣчами, и какъ только начало разсвѣтать, я пошла по больнымъ. Я обѣщала доктору помочь ему переписать больныхъ, и вотъ мы съ нимъ пошли, я по одной сторонѣ, онъ по другой. Однако, случалось намъ сбиваться и заходить въ избу, гдѣ уже былъ другой; вѣдь здѣсь не одна прямая улица нашихъ русскихъ селъ, а нѣсколько, съ переулочками и закоулочками.

Вечеръ мы провели у вдовы прежняго управляющаго; у нея четыре дочери,—старшая замужемъ за здѣшнимъ докторомъ; милое, добродушное семейство.

На другое утро рано сталъ собираться транспортъ, а я пошла къ здѣшнему доктору—взять нужныя намъ лекарства. Только-что я вернулась, докторъ и офицеръ стали меня просить скорѣй ѣхать и догнать слабыхъ больныхъ, которыхъ уже отправили, а они должны остаться, выпроводить прочихъ. Остановиться надо въ Чартамлыкѣ. Ну, ужъ никогда не забуду я этого Чартамлыка! Уложились мы на̀скоро и скоро догнали транспортъ и поѣхали за нимъ. Часто я высовывалась изъ тарантаса и смотрѣла, гдѣ же этотъ Чартамлыкъ?

— Боже мой! Поглядите, сестра, вѣдь тутъ остановиться нельзя, а это и долженъ быть Чартамлыкъ!.

И передъ нами не деревня, а маленькія хатки, разбросанныя по балкѣ, одна отъ другой на четверть или на полверсты. Казакъ, котораго я послала еще впередъ узнать и посмотрѣть, прискакалъ ко мнѣ и говоритъ:

— Тутъ оставить людей невозможно! Тутъ есть—кто говоритъ за три, а кто за пять верстъ—большая деревня.

Нечего дѣлать, надо рѣшиться ѣхать туда, но что̀ скажутъ докторъ и офицеръ? Однако, что̀ же дѣлать?

Поѣхали. Спустились подъ гору, поднялись. Что̀ же это? Всѣ подводы съѣхались въ одно мѣсто и стали. Подъѣзжаю—шинокъ. Подводчики и больные, которые ходятъ, ушли туда, а слабые лежатъ и зябнутъ на повозкахъ. И казакъ ушелъ туда же. Послала я Осипа, но все не выходятъ. Я выскочила изъ тарантаса и прямо въ шинокъ, и такъ закричала на всѣхъ, что они тотчасъ побѣжали вонъ, а высокаго, чернобородаго подводчика я повернула и такъ повелительно указала ему на дверь, что и заплаченная чарка осталась невыпитой.

Транспортъ тронулся. Я всѣхъ встрѣчавшихся стала разспрашивать о деревнѣ, куда мы ѣхали. Мнѣ стали говорить, что насъ туда не пустятъ, что тамъ казенная аптека. Можно легко себѣ представить, каково было мое положеніе: я ѣду одна съ самыми слабыми, и не знаю, пустятъ или нѣтъ!

Но вотъ взяли направо, показалось село; я велѣла повернуть и поѣхала скорѣе, хотя было ужасно скользко. Проѣхала деревню. Слава Богу! Вотъ нашъ казакъ, а съ нимъ сотскій, чтобы разставлять людей. Пока больные по скользкой дорогѣ не доѣхали, онъ указалъ намъ квартиру: маленькая, темная, сырая хатка. Моя товарка въ горѣ, а Осипъ говоритъ, что все, что̀ у

насъ есть въ тарантасѣ, и не помѣстится въ этой хаткѣ. Я имъ объявляю, что мнѣ все равно, что мнѣ дѣла нѣтъ до того, какъ мы проведемъ ночь, но надо, чтобы сотскій шелъ скорѣе къ больнымъ, и сама пошла за ворота деревни ждать ихъ.

Вдругъ пріятный голосокъ раздается подлѣ меня: „Маменька проситъ васъ пожаловать къ намъ чай пить". И хорошенькая 12-ти-лѣтняя дѣвочка стоитъ передо мной.

— А кто ваша маменька?

— А папенька мой здѣсь съ аптекой изъ Херсона.

— Съ удовольствіемъ! Сестра сейчасъ пойдетъ съ вами, а мнѣ надо видѣть офицера и знать, что весь транспортъ пріѣхалъ.

Я скоро дождалась офицера и потомъ пошла въ большой господскій домъ. Аптекарь занимаетъ только двѣ комнаты. Онъ—нѣмецъ, она—русская. Пріемъ и угощеніе были самые радушные. Разговорились про Севастополь, и она разсказала, что ея братъ лежалъ въ Собраніи, что у него была отнята нога. Тогда я вспомнила, что это тотъ юнкеръ, котораго я 6-го іюня провожала до баркаса. Онъ, бѣдный, черезъ недѣлю умеръ. Мы собрались идти ночевать въ нашу хатку, но аптекарша просила сдѣлать ей великое одолженіе—остаться ночевать у нея. Хотя намъ и было совѣстно, но мы согласились.

Не мудрено дать лишнюю комнату, но аптекарша дѣлилась съ нами своей; а комната была хорошая, высокая, теплая, сухая. И послѣ волненій этого дня мы хорошо могли отдохнуть.

На другой день мнѣ необходимо было написать письма въ Симферополь къ доктору Тарасову и Екатеринѣ Александровнѣ. Такъ какъ мы должны были быть въ Никополѣ, отъ котораго Неплюево, гдѣ мы ночевали, въ восьми верстахъ, то я имѣла возможность отдать ихъ на почту. И на этотъ разъ сестра пошла съ докторомъ къ больнымъ, а я осталась писать.

Вдругъ вошелъ какой-то господинъ и вскрикнулъ: „Вы какъ здѣсь"! Я тоже его узнала. Онъ былъ смотрителемъ госпиталя въ Севастополѣ, Яковлевъ, и я его всякій день видѣла на Николаевской батареѣ. Онъ теперь живетъ съ женой въ Никополѣ, и хотя у нихъ только двѣ комнаты съ землянымъ поломъ, но онъ самъ уйдетъ къ знакомымъ, а мы должны пріѣхать ночевать къ нимъ,—и не отставалъ, пока я ему не дала честное слово, что поѣду прямо къ нему.

Рано мы пріѣхали въ Никополь. Я сейчасъ пошла въ пріемную госпиталя, гдѣ мы должны оставить нашихъ самыхъ слабыхъ больныхъ и взять на ихъ мѣсто другихъ, покрѣпче. Обошла

и госпиталь! Иные—еще слава Богу, а другіе!.. Боже мой! лучше и не вспоминать.

Отъ Никополя до Екатеринослава намъ остается 115 верстъ, но это прямой дорогой, а вѣдь мы ѣдемъ съ деревни на деревню.

На другой день, пообѣдавъ съ нашими хозяевами въ 12 часовъ, мы поѣхали за транспортомъ до Красногригорьева, огромной деревни на нѣсколько верстъ. И меня очень безпокоило, что я не отыщу ни доктора, ни фельдшера. Но такъ какъ всѣхъ слабыхъ больныхъ мы сдали, то въ этомъ и не было большой нужды.

16-го декабря, выѣхали мы почти вмѣстѣ съ транспортомъ. Хорошо, что офицеръ ѣхалъ сзади насъ; опять начались наши бѣдствія по балкамъ. Спускъ не длинный, но крутой и кривой, прямо на рѣчку. Хорошо еще, что мы вышли, а то Осипу пришла дикая мысль, что если онъ спуститъ скоро, то лучше будетъ. Но вотъ тарантасъ раскатился на бокъ, на бокъ—и совсѣмъ опрокинулся. Мы и офицеръ подбѣжали къ тарантасу, стараемся приподнять его очень спокойно, даже со смѣхомъ, но я вскрикиваю: „Боже мой! шкворень пополамъ! Что̀ мы будемъ дѣлать“?

Кое-какъ связали веревками; но офицеръ никакъ не хотѣлъ посадить насъ въ изломанный тарантасъ, и посадилъ въ свой маленькій, а самъ сѣлъ на козлы. Меня это очень безпокоило: хотя онъ румяный и полный, но былъ раненъ въ ногу, и отъ этого въ холодъ страдаетъ. Нѣсколько разъ, видя, что нашъ тарантасъ бредетъ помаленьку, я хотѣла сѣсть въ него, но онъ никакъ не допустилъ, и мы скорѣе транспорта пріѣхали въ Тумановку.

Опять огромная деревня. Намъ отвели квартиру очень далеко, но въ томъ концѣ была кузница, а намъ она была необходима для нашего тарантаса, который тоже скоро пріѣхалъ. Очень трудно въ темную ночь въ этихъ огромныхъ селеніяхъ отыскать доктора и фельдшера, который всегда находится при слабыхъ больныхъ. Да ужъ тутъ съ тѣхъ поръ, какъ мы проѣхали Бериславъ, я не могу ходить одна. Вотъ и въ этой деревнѣ я ходила со старушкой нашей хозяйкой, которая вооружилась огромной палкой: тутъ держатъ презлыхъ собакъ, ради волковъ, которые во множествѣ водятся на плавняхъ.

Но сколько я ни ходила,—не отыскала ни фельдшера, ни больныхъ, и только утромъ нашла ихъ.

Выѣхали мы въ десятомъ часу и рѣшили, чтобы не ѣздить въ сторону, пропустить одинъ этапъ и ѣхать прямо на Александровку (Безбородка тожъ). Туманъ самый печальный, погода самая

грустная; густой иней на все садится. На дняхъ была тутъ метель; въ иныхъ мѣстахъ много снѣгу, бурьянъ весь опушенъ инеемъ, все бѣло и мутно. Скучная, ровная мѣстность—степь.

Но мы на нее радуемся, а то всякая маленькая балочка—бѣда! съ ея раскатами и закатами. Ѣдемъ тихо и долго, и вотъ деревня. Проводникъ объявляетъ, что дальше онъ не знаетъ дороги. Взяли другого. Ѣдемъ еще верстъ десять. Стало темнѣть все больше и больше. Отъ снѣгу только нѣсколько бѣлѣется; но все мутно, неясно.

Люди начинаютъ жаловаться на безконечный переходъ; лошади начинаютъ останавливаться. Вотъ въ туманѣ огонекъ, другой. Залаяли собаки. Ночлегъ, отдыхъ. Пріѣхали на господскій дворъ. Офицеръ прибѣгаетъ къ намъ внѣ себя и говоритъ, что помѣщикъ не позволяетъ разставлять людей, что насъ напрасно привезли сюда, что это Маленькая-Безбородка, намъ надо въ Большую; что онъ дастъ проводника, но туда еще 4 версты. И докторъ тоже ходилъ напрасно къ помѣщику.

— Кто помѣщикъ?—спрашиваю я.

— Александръ Яковлевичъ Савельевъ.

— Ахъ, это тотъ, съ которымъ я познакомилась въ Екатеринославѣ.

И я пошла къ нему, а онъ говоритъ, что деревня мала, что много больныхъ, предлагаетъ свой домъ (manière de parler); домъ нетопленный. Хватаетъ меня за руку, проситъ обогрѣться, пить у него чай. Я отвѣчаю, что ни за что на свѣтѣ не оставлю теперь транспорта, хоть замерзну съ нимъ! (Тоже и съ моей стороны—manière de parler tragique; я очень хорошо знала, что не замерзну).

Но ужасно было досадно, тяжело, — ночью въ ту минуту, какъ думалъ, что доѣхалъ, согрѣешься, отдохнешь,—опять ѣхать, опять четыре версты дороги!

Достали проводника, поѣхали. Боже мой, какъ долго мы ѣхали! И опять была балка: пришлось выходить и идти пѣшкомъ. Наконецъ, очень поздно, мы дотащились. Это тоже помѣщичья деревня другого брата Савельева. Мы остановились въ первой, указанной намъ, маленькой хаткѣ, вмѣстѣ съ хозяйкой и дѣтьми. Легли одѣтыя на узкія лавки, но такъ было поздно и такъ мы умаялись въ этотъ день, что скоро заснули.

На другое утро я ходила съ докторомъ по больнымъ, что̀ въ этихъ большихъ деревняхъ очень затруднительно. Докторъ мнѣ сказалъ, что управляющій очень сожалѣетъ, что мы не поѣхали прямо къ нему, и поэтому, вернувшись, я послала попро-

сить у него молока, котораго не могли найти во всей деревнѣ. Самъ управляющій пришелъ къ намъ съ извиненіями (не понимаю, въ чемъ онъ извинялся) и прислалъ намъ горшокъ молока въ полведра, а экономка явилась съ сливочнымъ масломъ и сожалѣніемъ, что не у нея остановились, и—какъ бы она насъ успокоила и покойно бы уложила!..

Выѣхали въ 12 часовъ. Переходъ маленькій, скоро доѣхали. Опять огромное село, да что̀ еще хуже—такъ разбросано, что хата отъ хаты очень далеко, такъ что отъ одной хаты я не могла докричаться до другой, возлѣ которой стояла женщина, и надо было идти десять минутъ, а иногда и болѣе, чтобы услыхать отвѣтъ на вопросъ, есть ли больные: „Не ма̀“!

Далѣе мы ѣхали хорошо и рано пріѣзжали на мѣсто. Наконецъ, 20-го декабря—транспортъ на 32-й, а мы на 29-й день—пріѣхали благополучно въ Екатеринославъ.

Екатерина Бакунина.

